

ЗОТОВ®

АД & РАЙ

Бойтесь ангелов — они добры,
согласитесь быть и дьяволами

Георгий Александрович Зотов

Ад & Рай

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=624935
Ад & Рай: [роман] / Зотов: АСТ, Астрель; М.; 2011
ISBN 978-5-17-072353-9, 978-5-271-33484-9, 978-985-16-9416-3

Аннотация

Под станциями московского метро – пентаграмма из бункеров Ада.
На главных проспектах столицы – явочные квартиры ангелов Рая.
Но управляет Москвой незримая третья сила. Та, что обратила в пепел Вавилон и Карфаген. Символ ее власти – хрустальные шары над городом. Однако трое соперников вынуждены объединиться. Против чего?

Этой проблемы никто не ждал. Но она способна уничтожить всех.
Увлекательно. Неполиткорректно. Скандально. И обалденно смешно!
Новый взрыв мозга от мастера черного юмора – это настоящая жесть!
Ад & Рай гарантируют – скучно не будет.

Содержание

Часть I. Анализ крови	4
Пролог	4
Глава I. Слуги Сумерек	8
Глава II. Подземелье из хрусталя	13
Экспедиция № 1. Храм Венеры-Прародительницы	17
Глава III. Менеджеры Небес	20
Глава IV. Айблин 4	24
Глава V. Геенна огненная	27
Экспедиция № 2. Тиберий Цезарь	31
Глава VI. Сотворение пива	35
Глава VII. Сердце ангела	39
Глава VIII. Совет Мёртвых	43
Экспедиция № 3. Монета Друзиллы (морской порт Напуле)	46
Глава X. Ледяной бункер	52
Глава XI. Терновый венец	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Зотов Ад & Рай

Часть I. Анализ крови

*Давайте говорить fuck, пока есть время.
Ведь в Раю нам вряд ли это позволят...*

Марк Твен

Пролог

...Александр поднял голову. Надо сказать, это действие далось ему не без труда. С разбитых всмятку губ тянулась вязкая струйка крови, оба глаза закрыли чёрные синяки. Давясь кашлем, он выплюнул на кафель красный сгусток – только что выбитый зуб. На табурете, прямо напротив, уютно примостилась худенькая девушка. Она сидела, по-турецки поджав ноги, – и эта поза делала её похожей на статую. Вытерев испачканную ладонь о белую рубашку пленника, незнакомка отпила из стакана сок. Кухонька в немецком стиле (холодильник в магнитах, сенсорная плита, часы-кукушка на стене, обои в бело-голубую клетку) была сплошь, от пола до потолка, забрызгана каплями вишнёвого цвета. Девушка была без эмоций и малейшей злости, но в то же время сильно, как боксёр-профи. После каждого вопроса следовал новый удар, сопровождаемый вспышкой боли.

– Снова спрашиваю. – Голос раскололся в ушах, как грецкий орех. – Где документы? Мы беседуем уже целый час, и я начала утомляться.

Боль, рвущая мозг Александра, свидетельствовала – он не сошёл с ума.

Шок, обычный шок. Однако он на сто процентов уверен: ему не ввели в вену наркотик. Да, кружится голова, глаза до краёв налиты слезами... но он в сознании... Почему же тогда ему мерещится ПОЛНЫЙ БРЕД?!

Хрупкая блондинка, похожая на мальчика. Коротко стриженная, скуластая, узкие губы – в ниточку. А за спиной – тяжёлые крылья с металлическим отливом развернулись в обе стороны. Как у коршуна, севшего на добычу: перья мелко трепещут от воздуха кондиционера.

– Кто... ты... такая? – Александр еле ворочал языком.

Блондинка закатила глаза, демонстрируя, как ей всё надоело!

– Каждый раз одно и то же. Думаешь, если я скажу правду, тебе понравится? О'кей. Меня зовут Раэль, и я ангел возмездия. В своё время мы по приказу Небес сожгли Содом и Гоморру. Ну что, теперь стало легче?

«Ненормальная? – пронеслось в голове Александра. – Очень может быть. В этом городе люди часто сходят с ума: каждый день в газетах сообщают. Но, чёрт возьми... каким образом дуре удалось ВЖИВИТЬ В ТЕЛО КРЫЛЬЯ?»

Ноготки девушки отколупнули с холодильника увесистый магнит. Купидончик из керамики, украшенный витой надписью «С Рождеством!»

– Надо же, как красиво... правда, чуточку запачкался...

Раэль осторожно стерла с щёчки купидона каплю крови. Зажала магнит в кулаке и размахнулась. Короткий удар сломал Александру нос: алая кровь ручьём полилась на рубашку – пленник зашелся в хлюпающем кашле.

– Забью до смерти, – ласково предупредила девушка. – Я вовсе не шучу.

Слепящая боль мешала Александру осознать: раньше он представлял себе ангелов как-то иначе. Его руки были предусмотрительно связаны за спиной. На полу валялся пакетик в масляных пятнах – засохшие булочки.

– Что тебе нужно? – прохрипел Александр. – У меня ничего нет.

Блондинка бросила магнит на бело-голубой кафель. Крылья дрогнули.

– О, надо же. В таком случае, позволь, я освежу тебе память. Сегодня, в восемь часов вечера, ты посетил корпункт CNN в Ерушалаиме и потребовал встречи с представителем телекомпании. Она состоялась. Не желая тянуть кота за хвост, ты с ходу предложил телевизионщику купить скандальную информацию за десять миллионов долларов. Отрицаешь? Я знаю, почему ты обратился к журналистам. По нашим подсчётам копии документов в твоём распоряжении уже три месяца. Всё это время ты ломал голову, кому бы их половчее продать или кого этой фактурой можно шантажировать. Шантаж куда выгоднее, но... ты справедливо опасался, что тебя просто убьют, «уберут» как свидетеля. Устроим небольшой аудиосеанс?

Палец ангела ткнул в кнопку MP3-плеера. Кухню заполнили голоса. Собеседники говорили по-английски – один с акцентом, другой без.

– **(С акцентом.)** Двадцать лет назад здесь, в Ерушалаиме, строили водный парк. Если знаете, такой район... называется «Лес мира». Так вот... под тремя рабочими провалилась земля, и они упали в грот: высеченный в скале, из гранита. Это оказалась погребальная камера – подземное кладбище, первый век нашей эры. Склеп был разделён перегородками, и внутри него двенадцать оссуариев.

– Оссуариев? – **В голосе собеседника слышится сонливость.**

– Так называли известняковую урну для хранения черепов и костей. Древние иудеи сначала оставляли своих мертвецов в пещере: после того как плоть истлеет, скелет помещался в оссуарий. Вы не помните? Телевидение, в том числе и ваше, это широко освещало.

– О'кей, ясно. – **Голос без акцента утратил остатки сонливости.** – Вы имеете в виду найденный археологами прах Иосифа Каиафы? Да-да, конечно. Мы сняли документальный фильм про его жизнь. Если не ошибаюсь, ячейки погребальной камеры содержали кости шести человек. Вы пришли сюда, чтобы продать эту сенсацию? Я восхищён.

– Ничего подобного. В склепе было СЕМЬ человек. – **(Звук, как будто собеседник поперхнулся кофе.)** – Удивлены? На боку оссуария, где лежал первосвященник, высечены буквы – «Хусф бр кфа», то есть «Иосиф, сын Каиафы». В первом репортаже с места находки газета *Jerusalem Post* сообщила – был и тринадцатый оссуарий... вделанный в стену в самом дальнем углу пещеры. По словам корреспондента, саркофаг с изображением семисвечника видели все три землекопа – своими глазами. Однако через сутки газета напечатала чёрным шрифтом опровержение: **тринадцатого оссуария не было.** Трое очевидцев попросту исчезли – выйдя утром из дома, они не явились на работу. Больше их никто и никогда не видел. Полиция объявила розыск по всей стране, но пропавшие так и не были обнаружены. Ни они, ни их тела. В 2005 году землекопов официально объявили умершими.

– То есть вы хотите мне сказать...

– Да. Скорее всего, они убиты. Либо перевезены в другое место и до сих пор под наблюдением... но это совсем уж фантастический вариант. Слишком мелкие люди, чтобы их беречь. Обычно спецслужбы избавляются от подобных свидетелей, а позже – от тел. Думаю, бедные землекопы давно растворены в кислоте.

(Молчание... голос без акцента вибрирует от любопытства.)

– О, это меняет дело... что за саркофаг? Какая на нём была надпись? Самое главное – у вас есть документальное подтверждение?

(В голосе с акцентом слышатся нотки скрытого торжества.)

– Да, я снял копии. Покажу вам только одну бумагу – там имя. Другие содержат лабораторные данные, подтверждающие тест ДНК. С подписями, печатями. Вот это не копия – оригинал. Смотрите...

(Шуршание бумаг... возглас, похожий скорее на крик.)

– Что!? Как такое... может быть... о боже... Боже мой...

(Самодовольно, с радостью от произведенного эффекта.)

– Нет... похоже, как раз УЖЕ нет... Вы готовы говорить о цене?

MP3-плеер выключился. Раэль поднялась с табуретки, приблизившись вплотную к избитому пленнику. Запустив ладонь в его шевелюру, она накрутила волосы на пальцы, заставив Александра скрипеть зубами. Теми, что ещё остались во рту.

– Людям ангелы видятся миленькими голубками-мутантами, – улыбнулась она. – Но стоит прочесть пару страниц Библии, чтобы понять – мы зачморим любого во имя добра. Итак, ты получил доступ к документам о содержимом тринадцатого *оссуария*. Во время секретного теста ДНК – уже шестого подряд. Уверена, ценная мысль: «А не сделать ли мне резервную копию тестов?» – озарила твой мозг в 1999 году, когда тебя пригласили принять участие в проекте The Blood. Второго раза пришлось подождать, но... ты терпелив, правда? И к тому же превосходный специалист. Тебе удалось не только скопировать файлы, но и похитить оригинал теста ДНК.

Александр ощупал языком осколки зубов.

– Вот оно что, – прощамкал он. – Тогда ты опоздала. Наверное, в корпункте CNN была установлена не только ваша прослушка. Документы хранились у меня дома – в сейфе. Я приехал, вернул бумагу, что показывал журналисту, к остальным досье. И вышел за булочками, в соседний дом – чисто на минутку. Когда вернулся, тайник был вскрыт. Я не поверил глазам: чуть с ума не сошёл. Грешным делом, подумал на американцев, перевернул вверх тормашками квартиру. А через полчаса, в разгар бесплодных поисков, явилась ты и треснула меня по голове. Короче, киска с перьями... Я так и не понял, кто ты, – но бумаги исчезли. Всё ясно?

Молниеносный удар выключил его сознание. Ангел вышла в коридор, волоча за собой тяжёлые крылья. Там Раэль с кем-то недолго поговорила – пять, максимум семь минут. Её собеседник мог быть как мужчиной, так и женщиной: голос, дающий девушке инструкции, был мягкий и тихий, едва ли не плюшевый. Хлопнула входная дверь, Раэль вернулась на кухню. Сев на табуретку, она взяла со стола пистолет. Немного подумала. «Нет. Я видела много смертей. Умирать лучше в сознании».

Набрав из кулера воды, ангел выплеснула её пленнику в лицо. Тот моргнул, уголки губ дёрнулись. Он ждал этого момента с самого начала допроса.

– Всё? – равнодушно спросил Александр.

– Всё, – подтвердила Раэль, привинчивая к стволу глушитель.

...После выстрела она дотошно подобрала перья с кафеля. На улице уже стемнело – наступила ночь. Можно было пройти по лестнице, не пряча оба крыла под плащом. Однако Раэль, встав на подоконник, с удовольствием, полной грудью глотнула ночной воздух, ощутив всю его сладость.

Она взлетела вверх, бабочкой распластав крылья на фоне луны.

Из газеты Jerusalem Post, 22 декабря 2010 г.

«...Сутки назад, в Рамат-Гане (пригород Тель-Авива) полиция обнаружила тело 48-летнего учёного-биолога – Александра Рюмина. Уроженец Москвы, г-н Рюмин в 1996 году переселился в Израиль и, согласно некоторым данным, по заказу правительства участвовал в секретных исследованиях биологического материала. Очевидно, Рюмина также при-

влекали к раскопкам, что велись в последние годы на Масличной горе, в городе Назарет, и пустыне Негев. Пресса считает его одним из анонимных специалистов, с помощью теста ДНК определивших: среди скелетов „Лесного мира“ есть принадлежащий первосвященнику Иудеи – Иосифу Бару Каиафе. Пресс-секретарь правительства Израиля, впрочем, отказался подтвердить заслуги Рюмина в ДНК-тестах. Экспертиза показала – учёный подвергся пыткам, после чего был убит одиночным выстрелом в голову. Полиция Рамат-Гана отрабатывает версию террористического акта. Однако террористические группировки (и в первую очередь ХАМАС) отвергли причастность их боевиков к загадочной смерти Александра Рюмина...»

Глава I. Слуги Сумерек (Небеса/Преисподняя)

...Шеф готовился к разговору долго – месяца два. Он провёл с десяток репетиций: актёрское мастерство ему преподавал лично Станиславский вместе с Марлоном Брандо (образ Крёстного отца Шефу нравился до зуда в копытах), кропотливо сочиняя стиль для беседы Победителя. В конце концов, перебрав кучу вариантов (в том числе и самых экзотических), властитель Ада остался верен традициям – чёрный цвет костюма обязателен. «Классика не умирает никогда», – безапелляционно заявила ему родная сестра, демоница Лилит. Услышав возражение, что чёрное носят на похоронах, Лилит злобно расхохоталась: «Так в этом вся суть – мы же хороним Рай!» Шеф с рождения страдал особой формой женоненавистничества – не редкость для мужчины, чей отец никому не известен, а воспитанием занимались мама и бабушка. Тем не менее он был вынужден согласиться с Лилит – лучше без авангарда. Пульсирующие стены в кабинете князя тьмы завесили паутиной, фоном для выступления избрали языки пламени, а потолок декорировали тучами в прожилках алых молний. Оседлав любимое кресло из кожи иезуитского проповедника (ручная работа индейцев Парагвая), Шеф посмотрел в зеркало – и невольно залюбовался. О, настоящий демон. Костюм английского джентльмена XIX века – накидка-«бабочка», узкие брюки и цилиндр, скрывающий рога. Поколебавшись, Шеф водрузил на нос тёмные очки (этого требовал стилист) и потянул на себя рычаг управления спецэффектами. Пламя сзади сложилось в пентаграмму. «Обязательно потом проведём парад Победы, – фантазии в мозгу Шефа фонтанировали красками. – Уникальное будет шествие! Подумать только: силы зла взяли верх. Соберутся лучшие из лучших, воплощение ночных кошмаров человечества. Легионы Калигулы, зондеркоманды СС, племена людоедов из Центральной Африки, менеджмент „Лукойла“ на своих мерседесах. И впереди всех я – на чёрном коне!» Предвкушая это зрелище, Шеф облизнулся.

Он нажал кнопку связи с Раем и замер в ожидании.

Музыка райских арфисток, как ему показалось, на этот раз играла чуть дольше обычного. От волнения у Шефа пересохло во рту: он наполнил стакан неизменным «Джек Дэниэлс». Раздался щелчок соединения.

– Если думаете исповедаться – нажмите «один». Для беседы с Голосом – нажмите «два». Желаете ли вы говорить с тем, кто создал Небо и Землю?

– Имею такое намерение, – с издёвкой молвил Шеф. – Может, пропустим вашу рекламу? Соедини нас, и после пришествия моего царства я не сошлю тебя в бордель. Хотя ангелам там самое место.

– Соблюдайте правила, – в мелодичном голоске девушки-ангела прорезался металл. – Перед тем как я вас соединю, не хотите ли вы присоединиться к тарифу «Безгрешный»: отказаться от гнусных дел и уповать на милость Голоса нашего? Взамен обещаем своевременное подключение.

Шефу изменило самообладание.

– Нет! – белугой взревел он, сбросив хвостом стакан со стола.

– Соединяю, – сказала трубка, и арфы трижды исполнили «Аве Мария».

...К удивлению Шефа, Голос пребывал в хорошем настроении.

– Соскучился? – донеслось до шефского уха из райских высот Небесной Канцелярии. – Ты мне в последнее время прямо как в службу поддержки «Билайна» трезвонишь – непрерывно. Однако я знаю, чего ты хочешь.

– Редкий случай, – не удержался от подколки Шеф. – Обычно ты самоустраняешься... тебе так удобно – не знаешь, что завтра в Гондурасе ураган, а в Ираке рванут машину на

рынке, и спишь спокойно. Впрочем, неважно. Думаю, ты уже в курсе – нашу войну выиграл я.

Он замолчал, откровенно упиваясь радостью.

– Ты становишься не только предсказуем, но и медлителен, – спокойно ответил Голос. – Твоего звонка я ждал ещё неделю назад. Опаздываешь, старичок.

Хвост Шефа обвился вокруг подлокотника кресла.

– Победители не опаздывают, – небрежно обронил он. – У вас в Раю что, на мозговых штурмах совсем крылья завяли? Вот уже два месяца, как Землю потрясла новость: ГОЛОСА НЕ СУЩЕСТВУЕТ. Да-да. Твоя религия – не более чем отлично продуманный пиар-миф. Корпункт CNN в Иерусалиме заявил: учёныйбиолог-покойный продавал секретные документы – данные теста ДНК из лаборатории правительства. А они свидетельствуют – скелет, найденный в тринадцатом *оссуарии*, принадлежит... Кудеснику. Вывод очевиден – может, Кудесника и распяли... но он НИКОГДА НЕ ВОСКРЕСАЛ. А умер – как обычный человек. Поздравляю, Создатель. – (*Шеф произнес это слово с особым скептицизмом.*) – То, что ты любовно выстраивал две тысячи лет, навернулось в один день. Вау, какой скандал! Все телевизоры мира просто дымятся.

Из телефонной трубки не донеслось ни единого звука.

– Конечно, я-то знаю. – Сняв цилиндр, Шеф поддел рогом сигару из коробки на столе. – Ты настоящий и даже способен на магические штуки а-ля Гарри Поттер... например, слать молнии на головы грешников. Но людям-то ты уже этого не докажешь! Финита ля комедия! Вот знаешь, что я сейчас вижу?

Шеф томно прикрыл жёлтые глаза как девушка перед поцелуем.

– Разрушение храмов, харакири священников, уход монахинь в порностудии, – перечислял он. – Банкротство фабрик по выпуску икон. Отмена крещений, а также похорон – вот и отлично, покойники в гробах переворачиваются от этих заунывных песнопений. Библию перестанут печатать... сколько леса-то сэкономим! А на чём тогда президенты США будут приносить присягу? На гамбургере? Да, это логичнее. Догадываюсь, что оригинал теста ДНК уже уничтожен по приказу правительства Израиля, как и сами кости из того *оссуария*. Однако, если бедняга-биолог реально убит из-за тестов ДНК... значит, секретные документы попали в руки совсем неизвестной нам личности. Зачем? О, есть только два варианта. Скоро будет ясно – либо эта самая личность захочет раскатать твою религию в блин, либо... она потребует огромный выкуп...

Из трубки полилась «Аве Мария». Шеф, подавившись сигарой, запнулся.

– Сорри, я решил послушать музыку, пока ты выговоришься, – ласково сообщил Голос. – И что, на этом основании Ад хочет праздновать Победу? Ну, так отпраздновал бы её пару тысяч лет назад, когда меня пиарили лишь десятки сторонников, за что ими кормили львов в Колизее. Надо же, изобрёл сенсацию. Атеистов и сейчас выше крыши, миллионы людей по всему миру не посещают храмы, крестятся только потому, что так модно. Ты думаешь, это мои проблемы, если в меня не будут верить? Нет, ЭТО ИХ ПРОБЛЕМЫ. Им даже помолиться, чтобы повысили зарплату, будет некому.

Шеф утратил первоначальный запал. Пентаграмма брызгалась искрами.

– Эээээ... – протянул он. – Если подходить к вопросу технично, я тоже не особенно рад. Ад и без того переполнен – вчера подписал кровью приказ, сносим здания в пятьсот этажей, будем строить тысячектажки для особо плохих грешников – без лифтов. Но Победа не бывает без сложностей, и я...

– Какая Победа? – меланхолично прервал его Голос. – Ты ведь тоже теперь не существуешь, голубчик с рогами. Сообразил? Нет меня – нет и тебя. Рассуди сам. Исчез Рай – значит, исчез и Ад. Зло не может существовать в одиночестве. Теоретически Ад способен воцариться на Земле, но это уже будет ядерная постапокалиптика, столь модная у фантастов. И

что случится с тобой? Мда, сочувствую. Станешь сказочным персонажем вроде кота в сапогах. Помнится, ты мечтал разгрузить Ад от грешников... но финал куда хуже. Теперь ВСЕ люди попадут в Преисподнюю, так как верить в меня моветон и вести святую жизнь тоже – у адских врат начнется столпотворение, как в метро Китая в час пик. Образ зла поблекнет окончательно. Сатанисты отвернутся, девственницы разлюбят, и я уж молчу про жертвоприношения. Паршивого хомячка в честь тебя не зарежут.

Шефу стало не по себе. Он тоскливо затянулся сигарой, отбивая копытом ритм песни Hell's Bells. Парад и чёрный конь медленно исчезали в тумане, в комплекте с другими празднествами по случаю Победы сил зла. Чего уж там парад – придется отменить и выходные, и даже праздничные оргии.

– Допустим, – в голосе Шефа уже не было прежней уверенности, – я не могу сказать, что ты прав, ибо ты НЕ можешь быть в чём-то прав. Однако ситуация и верно непростая. Ладно, докажи народу свою крутизну. Уничтожь эти документы к моей маме, и мы опять будем прекрасными врагами. Ты только задумайся, какой я отличный враг! Ну кто ещё тебя так не любит?

Голос усмехнулся с легкой ехидцей. В трубке послышалось шумное хлопанье крыльев – то ли мимо пролетел попугай, то ли подошёл ангел. Не дождавшись ответа, Шеф глубоко вздохнул и треснул сигарой об стол.

– Я тебя в землю бы закопал, – признался он. – Ненавижу!

– Да, я знаю, – флегматично ответил Голос. – Мне это даже льстит.

– Слушай, твое настоящее имя – это не Будда? – От костюма Шефа начали отскакивать искры – признак гнева. – Твоя политика – точно как в анекдоте про девушку с любовником. «Я кончил». – «А я нет». – «Ну, ты тут тогда давай кончай, а я пойду покурю». Ты решаешь любую проблему тем, что ловко устранишься. Задолбал этот буддийский пофигизм!

– Абсолютно не смешно, – прокомментировал Голос.

– Ещё б ты посмеялся! – бушевал Шеф. – Это происходит постоянно! Мы стоим на краю пропасти, а ты пальцем о палец не ударишь. Нет, ты хуже Будды. Откуда такая уникальная лень? Теперь я полностью уверен – Адам был русским, ибо ты создал его по своему образу и подобию. Только русский, выйдя подымить на балкон и увидев летящую к нему атомную бомбу, скучно докуривает «бычок» – даже не пытаюсь спастись.

Стены кабинета, отражая настроение Шефа, взбугрились багровым.

– Э... и далеко бы он убежал от ядерного взрыва? – осведомился Голос. – В эпицентре не спастись, остаётся лишь насладиться последней сигаретой. Ладно, курево – это грех. В остальном... Лично для меня кража тестов ДНК – лучшее развлечение за последние тысячелетия. Согласись – ведь любопытно наблюдать, как поведут себя люди, получив научное подтверждение моего отсутствия. Возьму ведро попкорна, сяду в партер смотреть то потрясающее шоу... да, настоящий Диснейленд!

Шеф пожалел, что не может кинуть в Голос чем-нибудь тяжёлым.

– Я не знаю, как у тебя это получается, но ты опять всё свалил на меня. – Его рога горестно поникли. – Что ж, хочу, не хочу – придется решать ТВОЮ проблему. Лишь теперь я осознал подлинный смысл поговорки «на чужом горбу в Рай въехать». Правильнее сказать – «на чужих рогах». Но услуга за услугу. Верни мне моих людей, без них не справиться. Ты знаешь, о ком я. Между прочим, Малинин и Калашников погибли из-за тебя¹. Оба оказались

---

¹ Малинин и Калашников работают на Шефа аккуратно со своей смерти в 1921 году в Управлении наказаниями – учреждении, определяющем кару для грешников в Аду. Калашников – бывший следователь полиции Москвы, Малинин – его помощник, донской казак. Их трудовой путь в Преисподней отображён в книгах «Элемент крови», «Минус ангел» и «Демон плюс». На последнем задании Шеф забросил напарников в античную Палестину, где обоих распяли по суду Понтия Пилата вместо одного пророка (некоего Кудесника), умевшего превращать воду в вино и кормить пятью хлебами 5000 человек. В общем, им не повезло.

в так называемом Нэверлэнде, то есть Небытии – пространстве в вечности, между Раем и Адом, куда попадают умершие дважды души. Их распяли в Иерусалиме, если ты ещё помнишь...

Голос задумался – в трубке было слышно пение райских птиц.

– Слуги сумерек... – сказал он иронично. – Да, я отлично их запомнил.

– Слуги «Сумерек»? – удивился Шеф. – Вот уж не знал, что они подрабатывали пиар-агентами Стефани Майер. Впрочем, халтура в Аду не запрещена, особенно в помощь силам зла. Другое дело, что Майер – это не зло, а хрень несусветная. Взяла и придумала любовь между человеком и вампиром. Хоть бы на секунду задумалась: вампир – это восставший мертвец, кровь в артериях не циркулирует... стало быть, ни о какой эрекции и речи быть не может. Чем же тогда Эдвард любит Беллу – статуэткой Дракулы, что ли? О, знаю-знаю. Сейчас ты скажешь, что обсуждать эрекцию у вампиров не уполномочен и хорошо бы сменить тему.

– Правильно мыслишь, – похвалил его Голос. – Ну что ж... Я признаю: твои люди не так уж плохи, хотя те, кто служит злу, не могут быть хорошими по определению. Алевтина Калашникова находилась в Раю, пока добровольно не переселилась из Рая в Ад², а их сын работает у меня ангелом. Да, вот как всё перепуталось! Скажу честно (а я всегда говорю честно), я думал над тем, чтобы вернуть их из глубин Небытия. И я хотел бы это сделать – но... не могу. Иначе утону в просьбах – того воскреси, этого верни, третьего слепи из пепла. Опасный прецедент. Посему не взыщи – я тебе отказываю.

– Нет, ты пойми, – упорствовал Шеф. – Мы обязаны их воскресить!

– Мы? – усмехнулся Голос. – Это я умею воскрешать, а ты нет.

– Да по рогам мороз, – простонал Шеф. – Ты потрясный сериал угробил.

– Вот уж прям, – отозвался Голос. – Сериалы – это зло. Чем больше продолжений – тем скучнее и банальнее сюжеты. Ну куда твоих героев дальше девать? В Раю они были? Были. В Аду были? Были. В Чистилище разве что не были, но из коридора с больничными кроватями шоу не сделаешь. Ты только критиковать умеешь да хвостом щёлкать, а где креатив? Ладушки, если такой умный – предложи решение проблемы.

В динамике звучал скрежет: Шеф чесал рог и мучительно думал.

– Но послушай, – промычал он в трубку. – Разве для воскрешения нужен повод? Фигня. Посмотри последнего Михалкова. В «Утомлённых солнцем» одного грохнули, вторая сгинула в лагерях, а третий вскрыл себе вены. Публика рыдала. А потом бац – и все живые! Зрители в шоке – как же так? А им в ответ спокойно – да вот так уж. Клёво. Но лучше всего брать на вооружение «Кошмар на улице Вязов». Пусть в конце каждого расследования Калашников и Малинин будут погибать. Затем воскресать, причём без объяснений. К чему искать пример? Я думаю, ты в курсе одной палестинской байки. Там тоже некий персонаж погиб, а потом взял да и воскрес – как его ученики простодушно объяснили окружающим. И целых два миллиарда народу верят им на слово... Точнее сказать – ВЕРИЛИ.

– Я попрошу без намёков, – жёстко ответил собеседнику Голос. – И ты знаешь, к чему это приведёт? Экраны заполонят сплошные воскрешения. Выяснится, что Ди Каприо в «Титанике» не умер, а основал подводную цивилизацию вместе с адмиралом Колчаком в облике Хабенского, – овладев техникой тибетского дыхания, тот доплыл к нему из проруби. Брюса Уиллиса в «Армагеддоне» спасет целебная энергия космоса. Рассел Кроу в «Гладиаторе» отлежится, и окажется, что у него царапина. Да ну на фиг!

---

² Жена Калашникова – Алевтина ещё до революции погибла от руки преступников, будучи на втором месяце беременности. Согласно уставу Небес, она попала в Рай, а ее нерождённый сын стал ангелом. Триллер «Минус ангел» даёт объяснение, почему Алевтина из Рая попала к мужу в Ад. Но, по крайней мере, им было нескучно. И в Аду люди живут.

– Ты забыл Тараса Бульбу с сыновьями, – ехидно подсказал Шеф, поглаживая нашейную пентаграмму. – Вот бы потрясное кинцо получилось! Однако мы отвлеклись от темы. Значит, я злой, а ты – просто котик. Посему, с позиции творца прекрасной доброты, ты можешь поднять парней из мёртвых, чтобы вернуть Алевтине Калашниковой мужа, а водке – достойного потребителя в лице Малинина. Не принимай поспешных решений! Я предлагаю всё обсудить.

– Никаких обсуждений, – строго прервал его Голос. – Правило есть правило.

Ещё до конца фразы Шеф понял, как ему действовать.

– О, как хочешь, – процедил он с деланным безразличием. – Верно, это слишком рискованный замысел. Приношу извинения... в самом деле, разве можно нарушать правила? Никому нельзя. Просто я-то думал – ты Бог...

Сказав это, Шеф отключил связь с Раем, и улыбнулся, показав клыки.

Голос озадаченно смотрел на телефонную трубку.

Глава II. Подземелье из хрусталя (под кинотеатром «Пушкинский»)

... Первым делом Калашников ощупал лицо. Ему не верилось. Не то чтобы влѣгкую – а ПРОСТО не верилось. Нос тем не менее оказался настоящим. Глаза вроде тоже. Он ущипнул себя за ухо. Стало больно.

– Вот ни хрена ж себе, – деликатно произнёс Калашников.

Звук собственного голоса показался ему раскатом грома.

Малинин ничего не произнёс. Слова на языке у казака вертелись сугубо матерные, но применять их он опасался – бурные события последних лет научили его осторожности. Малинин хлопал глазами, озирался вокруг и потирал лоб – но ясности в мыслительный процесс это никак не вносило.

Комната. Смахивает на сказочную пещеру – из чёрного блестящего стекла. Стекланный пол, стеклянные кубы, заменяющие кресла, стеклянные столики с пепельницами: походит на неоготику. Даже люстра в форме замка в Трансильвании: стеклянные башенки излучают тяжѣлый, депрессивный свет. На подставках у стен мрачно оплывают чёрным стеарином свечи. Калашников, затаив дыхание, дотронулся до стеклянной поверхности. Стена оказалась тёплой. И главное – *настоящей*.

– Братец, – шепнул Алексей. – Похоже, мы в очень странном месте.

Малинин подумал, что он как-нибудь и сам бы до этого догадался. Его внимание привлекла статуэтка в центре «пещеры» – демон с кожистыми крыльями и рогами: на особом постаменте, из цветного муранского стекла, в форме «Оскара». Наклонившись, Малинин прочел надпись у основания:

«ЛУЧШЕМУ МЕРЗАВЦУ МЕСЯЦА»

– Ваше благородие, – радостно нарушил он тишину, – мы вернулись!

Калашников сделал пару шагов вперѣд – пол, очевидно, натерли воском: босые ноги скользили, приходилось балансировать, как канатоходцу.

– Неужели Ад так изменился? – искренне удивился он.

В голове Алексея что-то взорвалось синим цветом. Он ясно увидел небо без облачка. Себя и Малинина на крестах. И девочку, у которой вместо лица – череп. Они умерли. Попали в Небытие... а это как клиническая смерть. Ничего не помнишь, полнейший мрак, открыл глаза – и очнулся.

Что-то вернуло их обратно.

Оба в набедренных повязках... как во время распятия, приговорѣнные к казни судом Пилата. Тьма заполнила мозг... и через секунду они в этой стеклянной комнате. Что это? Да уж вряд ли Небытие.

– Прошу прощения, господа, – прозвучало из мрака. – Статуэтка моя. Как раз сегодня получил на собрании представителей Шефа в Москве. Думаете, легко? Напротив, здесь ужасные интриги. Образ демона стали вручать лишь недавно... до этого давали статуэтку козла.

Говорящий вышел из тьмы: Калашников и Малинин мгновенно узнали его лицо. Они видели фото на семинарах *Управления наказаниями* в Аду, в разделе «Кого следует мучить сильнее, когда он окажется в Преисподней».

Телеведущий Максим Палкин щегольски поправил галстук.

– Удивлены? – спросил он, сгибаясь с кошачьей грацией.

– Нет, – признался Калашников. – Статуэтку козла вы получали заслуженно.

На лице Палкина не дрогнул ни один мускул.

– Попса вся поголовно работает на Шефа, – продолжил Алексей. – Без проданной души в телевизор не пробиться. На мой взгляд, отделу кадров Ада лучше нанимать музыкантов блэк-метал: те готовы вкалывать бесплатно, за идею. Минус – они не могут действовать «под прикрытием»... если таскаешь пентаграмму на шее с утра да вечера, какая тут секретность. Депутаты Госдумы тоже числятся в соратниках Ада, но это уже мало кого удивляет.

– Да, – кисло подтвердил Палкин. – Кроме фракции «Единая Россия».

– Почему!? – впервые подал голос Малинин.

– Аду нужны мозги, а не биомасса, – пояснил Калашников. – А они только на кнопки нажимать умеют, сам Шеф жаловался. Лишь один участник «Единой России», председатель Госдумы, подписал договор кровью. Ну, ему по должности положено, Шеф собирает коллекцию людей во власти: приятно чувствовать, что Земля управляется приказами из Ада. Но это всё лирика, а пока... позвольте узнать, малоуважаемый, – где мы находимся?

Палкин протянул руку – в ладони был зажат пульс. Вспышка на стене осветила огромную карту Москвы, оплетённую красными нитями, как артериями. Вдоль нитей судорожно пульсировали огоньками лампочки. Каждую лампочку украшали отдельный номер и наклейка с рогатой головой.

– Убежище номер двести двадцать, – отрекомендовал хозяин безжизненным голосом, играя роль уставшего экскурсовода. – Особое помещение для спецподразделений Ада, которые вынуждены действовать на Земле. Комнаты для отдыха, массаж, сауна. Здесь выдаются экипировка, деньги и оружие. Только в этом убежище есть шахта для персонального лифта Шефа, доставляющего *объект* прямо из Преисподней в Москву, – всего-то час ехать.

Оборудовано своё метро... глубоко в подземелье. Там тоже рельсы, развязки типа «американских горок», шоссе и многое другое – ходят чёрно-красные паровозики, и вы легко доберётесь до нужного места. Сейчас мы в самом центре – на Тверской улице, под кинотеатром «Пушкинский». Вы причислены к VIP-персонам, а посему наш дорогой Шеф (да сохранится невредимым его хвост!) поручил мне встретить вас, разъяснить задачу и ввести в курс дела. Для начала – вы попали в Небытие и находились там три года. Только один... эээ... *персонаж* мог вас вернуть. Это и случилось.

Малинин поскользнулся, сел прямо на стеклянный пол.

– Но разве такое может быть? – пролепетал он. – Мы же умерли...

Для осмысления ситуации Калашников потратил две минуты. Мда. Сначала ты работаешь в Аду, потом тебя отправляют в Рай, а потом – в античную Палестину. Ну... После этих приключений удивляться воскрешению глупо.

– Видишь ли, братец, – мягко произнёс он. – Ответ на этот вопрос не так и сложно найти. Коли помнишь, я уже проводил некую фантастическую теорию: что мы с тобой на самом деле не существуем, а являемся персонажами определённой книги...

– Не надо, – перепугался Малинин. – Хватит с меня, не хочу я больше быть персонажем книги! Я, вашбродь, персонажем порнофильма быть хочу.

– Кто ж не хочет, – вздохнул Калашников, и в этом вздохе вылилась вся тоска длительного бытия без женского общества. – Но учти, реальность такова – в этом мире за здорово живёшь тебя никто не воскресит. И если нас с тобой вытащили из Небытия, значит, тому возникла крайняя необходимость. Я вас слушаю, мсье Палкин, – мы оба к вашим услугам.

...Палкин с изысканной любезностью предложил гостям присесть. Устроившись на кубе из чёрного стекла, Калашников внимательно, ни разу не перебив, выслушал рассказ о похищении тестов ДНК. Малинин, как обычно, половину не понял, но благоразумно рассудил: главное, что у него снова есть руки, ноги и глаза... а то, что за их приобретение придётся платить, так это не новость. «Грустно, вашу мать, – расстроился Малинин. – Жил – из долгов не вылезал, а умер – опять, получается, кому-то должен».

Закончив речь, Палкин гламурно глотнул текилы.

– Понятно, – задумался Калашников. – И что требуется?

– Уничтожить документы, – сообщил охрипший от монолога Палкин. – Найти похитителя тестов ДНК и выяснить – что он хотел. Ээээ... – *голос вдруг преисполнился мягкостью.* – Но тут возможны варианты. Если бумаг уже нет – просто-напросто пристрелите вора. Шеф потом сам его допросит.

Калашников почесал затылок, что-то подсчитывая в уме.

– Вероятно, нам снова придётся ехать в Ерушалаим? – спросил он.

При слове «Ерушалаим» Малинина передёрнуло.

– Это уже ваше дело, – развёл руками телеведущий. – Мне поручено заниматься информацией и снабжением. Обеспечить электронными устройствами, документами, деньгами и оружием. Остальное – на ваш вкус, включая стиль, методы и свободу в выборе города. Но предупреждаю – если похититель взорвёт газеты сенсацией, обнародовав документы с тестами ДНК Кудесника... Шеф будет недоволен. Несмотря на чудесное воскрешение, де-факто вы попрежнему мертвы... и ваши души принадлежат властям Ада.

Калашников кивнул. Он знал, что никакого выбора здесь не будет.

– Тогда экипируйте нас быстрее... дражайший обладатель статуэтки козла.

Палкин сверкнул улыбкой облегчения:

– Следуйте за мной, господа. Я уже почти всё организовал.

...Экипировка заняла приличное время. Сначала Малинин с Калашниковым посетили душ, где как следует помылись горячей водой из термального источника и отскребли кожу мочалками. Гостеприимный телеведущий предложил вызвать банщиц-фотомоделей, чтобы «потереть спинку», но Калашников отказался. Малинин, глянув на него, тоже «ушёл в отказ», однако сделал это с выражением лица человека, которому злой дантист сверлит все зубы разом. Сразу после мытья напарники оказались в огромной гардеробной с уникальным выбором одежд – от шёлковых плащей до рыцарских лат. Малинин, пылая желанием одеться «погосподски», выбрал синий костюм с жёлтым галстуком, меховые ботинки от Гуччи и рубашку ядовито-зелёного цвета. Так как, по словам Палкина, в Москве с утра шёл снег, казак прихватил и дублёнку. Разумеется, фиолетовую.

– Твоя одежда, братец, напоминает траур по жертвам взрыва в теплице галлюциногенных грибов, – откровенно сообщил ему Калашников. – Не представляю, как ты в этом облачении появишься на улице. Все разбегутся.

Малинин не мог оторваться от зеркала – его глаза горели счастьем.

– Да и пушай, вашбродь, – отмахнулся он. – Я умираю да умираю, но никак не приденусь, штов сердце тешить. Жил – в форме, помер – тоже в форме. Может, я мечтаю стилигой побыть. Взгляните – разве я не прекрасен?

– Симпампулечка, – подтвердил Калашников. – Аж в глазах рябит.

Сам же Алексей оделся довольно просто – джинсы, тёмный китайский пуховик, шерстяная шапка, армейские «бутсы», чёрная рубашка и свитер. Мысленно оценив Калашникова как «безвкусное быдло», Палкин привел «слуг сумерек» в оружейную комнату. У напарников разбежались глаза. На стендах присутствовало ВСЁ – от безобидных «духовушек», стреляющих бумажными пульками, до крупнокалиберных гранатомётов. Перебрав пару стендов, Калашников решил не изменять вкусу – он остановился на двух пистолетах марки «вальтер» и десятке обойм. Малинин тоже любил немецкое оружие – он проходил практику наказаний в квартале Ада, где офицеры СС пекли мацу для евреев. Не мудрствуя лукаво, казак выбрал сразу два МП40, или, в просторечии, «шмайссера». Автоматы поместили в спортивную сумку на ремне – расстегнув «молнию»-застёжку, можно было высвободить рукоять и стрелять, не вынимая оружие. В электронном отделе каждый взял по айфону, а Калашников разжился нетбуком. Малинин с тайной надеждой спросил, есть ли в подземелье винноводочный отдел, и был разочарован ответом. Потребовав расписку кровью (как принято в

бухгалтерии Ада – из вены, конечно же, а не из пальца), Палкин выдал напарникам внушительные, хрустящие пачки рублей и евро. На поверхность стеклянного куба легла стопка паспортов, сверху небрежно шлёпнулась карточка «виза голд» – «на особые расходы».

Экипировка закончилась.

– Ну что ж, – бодро сказал Калашников, одёрнув свитер. – Шеф, надо отдать ему должное, не поспешил. Предлагаю, братец, с часик прогуляться на поверхности, осмотреть Москву-матушку. Оружие пока оставим здесь.

– На улицу? – заупрямился Малинин. – Вашбродь, там же ить холод собачий. А я отвык за сто лет. В Аду-то, сами знаете – в природном обогреве сидим.

Калашников улыбнулся и виртуозным жестом щёлкнул себя по горлу.

– Там водка?! – мгновенно догадался Малинин.

– Да.

– О...

...Дальнейших слов не потребовалось.

Экспедиция № 1. Храм Венеры-Прародительницы (Римская империя, 790 год от основания Вечного Города)

...Прохожий не отставал. Безобразно толстый, с лицом, заросшим светлой кабаньей щетиной, он тащился за молодой женщиной вдоль Форума Августа³, шепча весьма скабрёзные намеки.

– О несравненная... ну что тебе стоит... прогуляемся в лупанар? Никто не заметит, поклянусь Юпитером... подари мне счастье, красавица...

Женщина, на чьих скулах уже играли желваки, игнорировала волокиту. Она была закутана в пурпурную ливийскую ткань (узорчатый край открывал маленькие ноги в сандалиях) – признак иностранки благородного происхождения, и это подзадоривало толстяка. *Ливийка* держала путь к стенам храма Венеры – чудесного здания с восемью колоннами из красно-белого мрамора. Того самого, который воздвиг ещё божественный Юлий в честь великой победы при Фарсале над нечестивцем Помпеем.

– Прекрасная... три... пять ауреусов... неужто и пяти тебе мало?

Пять золотых монет составляли сумму, достаточную для покупки двух хороших рабов, однако *ливийка* и не подумала обернуться. По брусчатке, шатаясь, прошагал легионер в кожаных доспехах, с татуировкой на левом плече. Женщина кинула умоляющий взгляд, однако солдат не заметил призыва, от него за милларий разило пальмирской настойкой. Круглую площадь перед храмом Венеры венчал фонтан – чаша упруго извергала к солнцу розовые, подкрашенные вином струи. Каменный орёл простёр крылья над водой, и в их тени возлежали, зажав в руках цветы, изваяния императоров – Тиберия и Калигулы. Последнему Сенат недавно даровал титул «младшего цезаря»: в свете тяжёлой болезни Тиберия граждане Рима присматривались к парню как к будущему правителю. Но пока осторожно именовали «трёхкратно пресветлым» вместо «пятикратного»... Тиберий был очень ревнив к конкурентам.

На приступочке у фонтана (мраморной, с чёрными прожилками) расположился глашатай, развернув папирус с сургучной печатью.

– Пятикратно пресветлый цезарь, да хранят его боги на тысячу лет, повелел вам сказать, – закричал он пронзительным голосом, слышным далеко за пределами площади. – Живёте вы, о патриции и плебеи, лучше всех на белом свете! Недостойная Парфия нашей империи и в подмётки сандалий не годится – Юпитер сему свидетель. Есть ли на земле Рима отщепенцы, кто может усомниться? Не верьте их словам, сограждане. Им парфянский царь Артабан денно и ночью сыплет золото из кошелья своего – дабы твари эти отравили свои чёрные сердца ядом лжи о Сенате и пятикратно пресветлом цезаре!

Глашатай на минуту замолк, вытирая подолом туники пот со лба: наступила пауза *reclama*⁴. Из-за его спины выступила девушка в жёлтой тоге с чёрными полосами, похожая на тощую пчелу.

– «Биланус Максимус»! – прокричала она. – Лучший невольничий рынок в городе. Купи одного раба и получи второго в подарок!

...Отчаявшись избавиться от волокиты, *ливийка* на подходе к площади нырнула в переулок, толстяк немедля сунулся за ней. Стены истекали влагой – от жары. Пройдя примерно

³ Комплекс помпезных зданий (включая храм Марса), построенных в Риме при императоре Августе Октавиане во 2 г. до н. э.

⁴ Современное слово «реклама» происходит от латинского *reclama* – «выкрикивать». Первые рекламные щиты тоже были в древнем Риме.

сотню шагов, чужестранка развернулась, едва не столкнувшись с преследователем. Тот нагло улыбнулся, дохнув перегаром.

– Послушай, о путник... не пора ли тебе оставить меня в покое?

Тот схватил её за плечо, сжал потные пальцы.

– Ты мне понравилась, женщина. И твой акцент... откуда ты, какая провинция? Ливия, Пальмира, Египет... а может, Иллирия? Не гони меня, мёд моего сердца. Послушай, как сладко звенит моё золото...

Женщина тяжело вздохнула. Не глядя в лицо поклоннику, чуть отклонилась и посмотрела в пространство за его жирной спиной.

– Давай, – отчётливо сказала она. – Только быстро.

С опозданием прохожий понял – эти слова обращены не к нему. Пространство выгнулось, сформировалось в упругий воздушный кулак – рот ухажёра вмиг заполнился кровью. Следующий удар заставил толстяка отлететь назад и со всего маху впечататься затылком в стену. Потеряв сознание, герой-любовник мешком сполз на камни мостовой. В раскалённом солнцем воздухе проявилась полупрозрачная рука, стирающая кровь с очертаний лица.

– Ты перестарался, – недовольно заметила Алевтина человеку-невидимке. – Теперь ноги в руки... иначе привлечём внимание легионеров. Этот переулочек боковой, он выведет нас к храму.

Она побежала к площади Венеры – невидимка следовал за ней.

– Прошу прощения, – на ходу оправдывался он. – Но патриций напророчился. Я удивлён твоим терпением. Видит, перед ним – богатая женщина, так нет – всё равно лезет, как псих.

– Здесь таким поведением никого не удивишь. – Алевтина говорила быстро, не оборачиваясь. – Это же древний Рим. В лупанарах, или «домах любви», подрабатывают не только бедные женщины, но и дочери патрициев, чтобы скопить на браслет с алмазом, – это в порядке вещей. А уж жёнами политиков все лупанары и подавно забиты – Тиберий издал приказ: тем, у кого мужья заседают в Сенате, запрещается брать плату за любовь. Посему этот добрый человек и пытался всучить мне золото без свидетелей – а вдруг я супруга сенатора? Вообще-то, я не должна тебе рассказывать столь пикантные подробности. Но ладно – ты у меня уже взрослый.

Воздух прорезало слабое, еле заметное свечение.

– И что? – полюбопытствовал невидимка. – Лупанары опустели?

– Для ангела, милый, ты задаёшь слишком много вопросов, – усмехнулась женщина. – Нет, не опустели. Патрицианкам так полюбилось проводить там время, что они бесплатно дарили ласки любому солдату... пока их мужья были заняты в Сенате⁵. А сейчас, пожалуйста, умойся – мы выходим на площадь.

Струи питьевого фонтанчика смыли кровь: прозрачное лицо ангела вновь слилось с воздухом. У храма Венеры-Прародительницы, как обычно, было многолюдно – паломники приезжали из самых дальних земель, чтобы взглянуть на зал, сочетающий белый мрамор с розовым гранитом. Посреди пышного великолепия высились сразу три статуи. Божественного Юлия, египетской царицы Клеопатры, а также самой богини любви, подарившей миру название для целого букета болезней. Позади храма колыхались листья слоновых пальм; на крыше, изнывая в клетках, заливались соловьи – их везли сюда специально, дабы слух верующих услаждало пение. Храмовая площадь со времён Октавиана Августа славилась тем, что здесь можно купить любой товар, а также нанять в услужение нужного тебе человека. У фонтана, в приятной близости от скульптур цезарей, притаились бронзоволикие уроженцы Иберии, из бывших гладиаторов. Они скрывали в лохмотьях короткие мечи, и к ним обраща-

---

⁵ Ненасытность жён сенаторов уникальна. Позднее, в 40 г. н. э., уже Калигула издал императорский указ – даже бесплатно сенаторши должны принимать максимум 5 клиентов в день. Это не соблюдалось.

лись в поисках наёмного убийцы. Рядом громкогласо шумели торговцы индийскими шелками, татуировщики с иглами и сводни, всегда готовые предоставить гостям города тайные удовольствия. Жонглёры, обмотав себя лентами, плевались струями огня – однако никто из пресыщенных прохожих не бросил к их ногам и единого сестерция. Темнокожие вольноотпущенники⁶, держа под уздцы лошадей, сгрудились под щитом с *reclamare* «Гладиатора месяца». Их древние повозки готовы были ехать даже в забытую богами Германику, откуда на зазевавшегося путника из-за любого пня сыпались стрелы варваров. Увидев Алевтину, возницы заметно приободрились.

– Э, сестра, ходи сюда, – прошамкал старый нубиец, открыв рот, где чудом сохранилась лишь треть зубов. – Повоська, лошадь нидорога. Куда твой ехать надо? Твой говори – мой быстра-быстра вози.

– Мизена, – сообщила Алевтина, глядя в чёрное лицо.

Вольноотпущенник сморщился, изобразив страдание.

– Сестра, полторы сотни миллариев⁷ ехать, – заявил он. – Твой десять ауреус давай. Лошадь мал-мал уставать. Дорогу покажешь?

Алевтина будто и не собиралась торговаться – подобрав подол, она забралась на сиденье повозки. Скамья рядом с ней заскрипела.

– До Мизены – красная цена три ауреуса, – женщина запахнулась в пурпурную ткань, пряча голову от палящего солнца. – Я не из Паризия сюда приехала, чтобы такие цены выставлять. Хорошо, заплачу тебе пять. Но с условием – мы должны быть в Мизене до заката. Едем?

Возница стегнул лошадь – та зацокала копытами по мостовой.

– Наш глупый префект опять делать ремонт дорог до Капуи, – вздохнул вольноотпущенник, в душе радуясь заработку. – Там толкаться колесницы, мычать коровы и реветь ослы, вопия о страданиях путешественников. Но твой не беспокоиться. Мой знать путь в объезд.

...Слушая цокот копыт, Алевтина откинулась назад: её веки слипались, страшно хотелось спать. Рим промелькнул быстро – через полчаса они выехали на окраину Вечного Города, заплатив мзду легионерам, млеющим от жары под штандартом в виде орла.

«Только бы успеть, – думала Алевтина. – Я обязана успеть...»

---

⁶ Раб, отпущенный господином на свободу.

⁷ Римская мера, 1598 метров. От неё произошла миля.

Глава III. Менеджеры Небес (Москва, отель «Хайятт», ул. Неглинная)

...Роскошный конференц-зал переполнен донельзя. Набит битком, как бочка селёдками. Тайный сбор объявили внезапно, за неделю, но приехать на встречу сумели все делегаты, даже из Сибири и с Камчатки. Секретность обеспечили, как могли, – используя новейшие сканеры, обыскали зал на предмет прослушивающих устройств, простукали столы из красного дерева, прощупали шёлковую обивку кресел, просмотрели лампы в люстрах. Чего уж там – даже суфле из сёмги и торт и те подверглись осмотру, протыканию как минимум десятком вилок. Но, несмотря на это, собравшиеся говорили в микрофоны вполголоса. Они были пришиблены, раздавлены ужасным горем.

– Спасибо тем митрополитам, кои оценили важность совещания, – повернул к губам микрофон один из сидящих в президиуме – бородатый мужчина в чёрном одеянии и белой, высокой шапке (его так и звали – Белошапкин). – Руководство опасается грешной прессы. Скромная же трапеза в отеле-люкс мало кого волнует. Предлагаю, братие, утолить наш голод, вкусив даров морских и небесных, а после приступить к обсуждению общей проблемы...

По залу неслышно заскользили монахи с подносами.

– Храни тебя Голос, – басом прорычал сосед Белошапкина, благообразный старик. – Благословясь, можно пригубить вон того омара да икорочки съесть. Икорочка – она ж дар православный, практически манна небесная.

Перекрестившись, духовенство принялось жевать тарталетки с икрой.

– Это что ж за напасть такая? – шепнул митрополит Феофилакт другому митрополиту «галёрки» (кажется, тот приехал из города Уренска). – Как теперь жить? Ведь если Голоса нет, никто нам денег не принесёт...

Тот мрачно проглотил шейку рака и налил себе «Хеннеси».

– Я и раньше думал, что его нет, – заметил приезжий. – Но это как раз не самое ужасное. Ты только представь себе, батюшка... приходят сотрудники «Кока-колы» утром на работу, а им говорят, что «Кока-кола» – это миф. И что беднягам делать, куда податься? Вот и мы с тобой влипли. Никто из мирян теперь не озаботится, чтобы в Рай попасть. И так уже пожертвования с кризисом измельчали, народ обнаглел. Мелочь, копейки сыплют – словно нищему в переходе подают. Веришь ли, мне часы с бриллиантами пришлось на платиновые сменить.

Кондиционеры под потолком дружно зажужжали.

– Голос тебя помилуй! – вытаращил глаза Феофилакт. – Не обижайся, святой отец, но ты прямо как лох. Кто ж в нашем кругу часы без бриллиантов-то носит, ты ведь лицо духовное, а не суслик какой. Прогневали мы Небеса...

– А я тебе говорю? – уныло ответил митрополит из Уренска. – Да часы – это ерунда ещё. Если официально объявят, что Голоса нет, мы и не до такого докатимся. С «мерседесов» хором слезем, пересядем на «шкоду».

Его собеседник в ужасе подавился лососиной.

– Я так и знал, что этим закончится, – горько сказал Феофилакт, перекрестив фуа-гра. – И ведь никто не пожалеет, а будут в блогах, в Интернете дербанить, прислужники демонов. Как в прошлый раз – мол, а что это ваш босс носит на ручке украшение за 40 тысяч евро? А почему все иерархи Голоса с охраной, да на «хаммерах» с салонами из буйволиной кожи? Телефоны мобильные – отчего только «верту» да «верту»? Я, знаешь, одного такого хама срезал – «верту», говорю, к Голосу ближе, там запаяна капсула со святой водой, а другие телефоны её не содержат. Отвял, гадюка. Или епархия Бургская ювелирам задолжала миллион долларов. Ужас. Раньше, бывало, скажешь – какие ещё бабки, это ты нам должен: возрадуйся, что святые отцы за тебя молятся, собаку противную! А помнишь, как владыка

Одессы гремел: паразит Голос болезнями журналистов, яко слуг Адовых, ибо пишут они подло, что церковь цены повысила на крещение? Всё. Голоса нет, не пригрозишь, никто не испугается. Ох, напасть...

Митрополит, сидящий рядом, был совсем стар. Он согнулся в три погибели и, держа обеими руками фужер с коньяком, напряжённо прислушивался к разговору. К икре он не притронулся, выбирал из блюда с омаром лесные орехи. Голова, укрытая чёрным капюшоном, тряслась.

– Охохонюшки, а мы-то думали, как офисы Голоса объединить, – поглощая отбивную из ягнёнка, сокрушался в президиуме бородач Белошапкин. – Вот он, момент истины. Теперь и католики, и православные, да хучь мусульмане: все в кулак сожмутся, лишь бы бабло не потерять. Лично я хоть с бобиком объединюсь, только бы данные по ДНК не попали на ТВ. Какая ж тварь это придумала? Сам бы горло ему перегрыз. Ну, нет Голоса, и что с того? Голос – это технический бренд для сбора денег, торговая марка. Я не вижу оснований, чтобы его слуги нуждались. У меня, может, артрит, если на руке золотой браслет не носить, а без осетрины – несварение желудка. Мы – топ-менеджеры Небес, у нас свои премии, бонусы и план по получению прибыли. Мы продаём мечту, и... чем мы хуже «Лукойла»?

– Ничем, батюшка, – подтвердил собеседник, с достоинством отведав пармской ветчины. – И так уж живём – скромнее не бывает. Кресты носим из золота, а могли бы из платины. Рясы у Гуччи не покупаем, а шьём у персональных портных. Так нет, только и слышишь – отдайте голодным, отдайте сиротам. Бред какой-то. Зачем голодному золотой крест? Он об него зубы сломает. Товарно-денежные отношения в религии – это нормально. Ты платишь за свечку и желаешь: пусть Голос поможет в делах, излечит от болезни и улучшит жизнь. Двадцать рублей за свечку, плюс исполнение желаний – разве не супер? Если я VIP-слуга Небес – мне без «верту» никак, иначе даже епископы и те смеяться будут. Спросят – эй, пацанчик, а ты с какого прихода? Неужели с того, где вчера мышь с голоду сдохла?

Страдальческий вздох был ему ответом.

Ближе к центру, проколов серебряной вилкой трюфель, митрополит Усть-Коловрата жаловался митрополиту Кабановграда на финансовую нестабильность. Коллега сочувственно кивал и жалобно крестился.

– Представляешь, свечей на пятьдесят процентов меньше продаём. Просвирки, кресты – по всему сегменту жуткое падение. Иконы тоже просели будь здоров, хотя кризисную скидку сделали. Святую воду пытались втюхать – не берут, привыкли к халяве-то. Весь бизнес бесу под хвост. Вчера братки приходили – быкуют: если, мол, Голоса нет, так на хрена мы вам колокола отливали? Возвращайте бабло, или ставим на счётчик. Катастрофа. Надеюсь, корпорация примет верное решение, иначе разоримся.

– Голос – это крыша получше мафии, – охотно согласился митрополит Кабановграда. – Надо тебе дом отремонтировать, дачку построить, так всегда объяснишь, что дело-то богоугодное. Парк, как в Волгограде, отдадут под храм, деревья вырубят – и пофиг, что детям играть негде. Голосу новые офисы нужны – побольше да покрасивее. На него вообще всё, что хочешь, свалить можно. А сейчас? Ладно Голос, и Шефа теперь нет – соблазнил если монашку по пьяни, уже не скажешь – «бес попутал». Засада, вашу мать.

Белошапкин позвонил в колокольчик. Хруст челюстей утих.

– Братие, – сказал он умиротворённо, вытирая с бороды свежесвыжатый сок манго. – То, что Голоса нет, это каждый из нас и так знал. Однако в миру впервые появился компромат – документальное свидетельство. И это обрушит всю нашу систему. Храмы, как тот же на «Кропоткинской», сделаются музеями, а мы встанем в очередь безработных – хлебать картофельный суп. Как хорошо индусам – есть у них Ганеш, бог с головой слона, и они не заморачиваются, сколь глупо в XXI веке верить в такого бога. Короче, братие... у меня есть предложение – затянуть поясочки и жить поскромнее...

В конференц-зале «Хайтт» поднялись страшный гул и недовольное жужжание, будто кто-то разом впустил в окно целую пачку пчёл.

– Нет-нет, братие, упаси вас Голос, – мягко поправился Белошапкин. – Я тоже, например, не одобряю Павла, покойного заместителя Небес в Сербии, что ездил в трамвае без охраны, имел одни стоптанные башмаки, носил деревянный крест. Откровенно говоря, парень портил наш имидж – без помпезности, без византийского величия, блеска золотых куполов, кто к нам придёт? К счастью, все уже забыли, что сам Кудесник когда-то въехал в Ерусалим на осле, а не на «мерседесе» – что, кстати, было его ошибкой. Так вот... я предлагаю затянуть пояса, чтобы собрать ВЫКУП.

В зале воцарилась полнейшая тишина.

– Выкуп? – с удивлением спросил старец рядом с Белошапкиным.

– Конечно, – отечески улыбнулся он. – Тот, что похитил тесты ДНК, чего-то ждёт. Скандал ему не нужен. А пока он размышляет, мы и предложим сумму, достойную поразить воображение. Навскидку... двадцать пять миллиардов долларов. Наши прибыли выше, чем у нефтяного консорциума «Шелл», и на алтарь сейчас положено очень многое...

Сумма не произвела на митрополитов впечатления.

– Я знал, что не встречу осуждений, – хлопнул в ладоши обладатель белого головного убора. – Значит, надо понять – как выйти на похитителя и...

...Речь прервал сильный, резкий треск. Сгорбленный митрополит, укрывавший голову чёрным капюшоном, встал во весь рост. Покрывало слетело прочь, упавшая монашеская шапка открыла стриженные светлые волосы. Огромные крылья цвета «металлик» развернулись за спиной – аж искры шипением отскочили.

– Вы все уволены, – спокойно сказала Раэль.

Щёлкнули взведенными курками сразу два автомата АК-47. Держа оружие навскидку, она повернулась – конференц-зал был перед ней, как на ладони.

– Мы на Небесах всегда знали – вас интересует только бабло, – продолжила девушка сухим, неживым тоном. – Теперь придётся платить...

Зал замолк в шоке – взгляды были прикованы к крыльям. То и дело слышался звон – из ослабевших рук на пол падали хрустальные фужеры с коньяком.

– Кто ты?! – сотряс пространство хриплый крик из президиума.

Раэль привычно закатила глаза к потолку.

– Ангел возмездия. Библию, надеюсь, читали?

Её слова вызвали бурю возмущения. Митрополиты встали с кресел, сжимая кулаки. Окладистые бороды тряслись в приступе праведного гнева. Страх исчез, уступив место раздражению от крайней наглости незваной гостьи.

– Крылья приклеила – решила, теперь умнее всех?

– Откуда взялась эта дура? Эй, милиция!

– Если ты ангел, то где твой «Патек Филипп»?!⁸

Очередь из автомата ударила в люстру: всех осыпало блестящими осколками.

– Я предупредила, – равнодушно изрекла Раэль.

«Бабочкой» раскинув обе руки с АК-47, она бешено завертелась на месте, как волчок, поливая конференц-зал свинцом. Лицо Раэль сделалось безумным – запрокинув голову, блондинка хохотала, в то время как пол покрывался десятками мёртвых тел. Жертвы падали справа и слева, обливаясь кровью, рядом с паштетом и омарами: промахнуться в такой тесноте было невозможно. Бойня продолжалась не больше минуты: дымящиеся автоматы

⁸ В 2008 году некий представитель Голоса, один дьякон в Москве, сделал интересное заявление – оказывается, часы «Патек Филипп» на руке духовного лица – это «вовсе не тяга к роскоши, а знак отличия».

дружно клацнули пустыми магазинами, словно поперхнувшись. Швырнув их через плечо, Раэль вытянула дрожащие, вспотевшие ладони.

– Welcome to Hell⁹, – рассмеялась она. С кончиков пальцев сорвалось пламя.

Прохожие на улице вздрогнули, когда окна «Хайятта» взорвались, – наружу вырвался шар ревущего огня, повалил чёрный дым. Хором заняли сирены пожарной тревоги, противным пиликаньем заплакали десятки припаркованных у зданий машин. В воздухе повисли вопли раненых. Используя дым, как завесу, Раэль перелетела на другое здание и оказалась уже на Рождественке. Зайдя в лифт, ангел спрятала крылья под свободным чёрным плащом. Спустилась, вышла из подъезда и без помех скрылась в переулке. Стоило ей отойти на безопасное расстояние, зазвонил телефон.

– Ты срочно нужна в Ерушалаиме, – послышался в динамике знакомый мягкий голос. – Как можно быстрее, Раэль. Ад прислал конкурентов...

Задав пару уточняющих вопросов, ангел отключила на ухе блютус и побежала к проезжей части – срочно ловить такси в аэропорт.

Дорогу ей перегородил какой-то прохожий.

Раэль отработанным движением нащупала в рукаве нож.

– Эй, девчонка! Огоньку не найдется?

Она расслабилась, уловив запах алкоголя. Окинула парня взглядом. Белобрысый, как и она, нос картошкой, расстёгнутая, несмотря на мороз, куртка. Вышел из соседнего кабака? Что ж, ему ещё рано умирать.

– Иди туда, – показала Раэль направление. – Там сейчас много огня...

...Метель засыпала следы ангела, будто её здесь и не было...

---

⁹ «Добро пожаловать в Ад!» (англ.).

Глава IV. Айблин 4 (Город, самая середина Адского шоссе)

...«Нет, это попросту хрен знает что такое. Удивительно неприятно».

Шефу не хотелось выглядывать из лимузина. Народ в Городе любопытный – сразу узнают, начнут фотографировать, просить автографы. «На вертолёте следовало лететь, – устало подумал Шеф, разглядывая слипшиеся машины, раскалённые докрасна адской жарой. – Зачем я всех слушаю? Так ведь быстрее. Конечно, было один раз: вертолёту расплавилось лопастей, пилот не справилась, и мы упали в Квартале Сексуальных Мучеников, ближе к району меньшинств. Так что страшного? Жертв нет, с Оскаром Уайльдом хоть поболтал, а то сто лет его не видел».

Пятисотэтажки нависали с обеих сторон, словно горное ущелье, – пробка и не думала рассасываться. В Аду на каждом шоссе велись ремонтные работы – не успев закончиться, тут же начинались снова.

Шеф включил кондиционер. Прохлада овевала рога.

Водитель нервничал. Высунувшись из кабины, он тоскливо орал, глядя в красную, почти марсианскую поверхность. Бедняга искренне ненавидел пробки – представитель российской элиты, он привык ездить с мигалками по свободной дороге. Возить Шефа по бесконечным пробкам было официальной карой, назначенной *Управлением наказаний*. «Его, допустим, правильно наказали, – терзался мыслью Шеф. – А меня-то за что?»

– Да вашу ж мать в макроэкономике! – страдал водитель. – Номера не видите, придурки? «Мерседес» шестьсот шестьдесят шесть! Пропустите меня!

– Егор Тимурович, – кротко отозвался Шеф. – Крики не помогут. Ад – страдания для всех, в какой-то мере и для меня, пусть я здесь и начальство. Это в Москве вы были крутой политик, а тут вы никто. Поэтому привыкайте.

– За что? – сумрачно спросил водитель. – Я одного не понимаю – за что?

Шеф назидательно постучал хвостом по сиденью.

– О, любой политик считает себя отцом-благодетелем, – зашелся он волчьим смехом. – О'кей, я ещё раз повторю – за экономические реформы, старушек, плюс десять вагонов остальных грехов. Если хоть один политик из России попадет в Рай, я себе лично рога отвинчу. Заткнитесь и не тратьте время.

Водитель молча последовал совету. Адское шоссе переполняли автомобили однотипных марок – по большей части это были «лады», «жигули» и «москвичи», ибо какие ещё автомобили, портящие человеку жизнь, могут ездить в Аду? Впрочем, иногда попадались потрёпанные румынские «дачии», а также детища иранского автопрома, но их всё же было меньше. Выхлопные трубы плевались облачками дыма, в воздух поднимался отборный мат – в Преисподней ругались даже монахини. Над эстакадой, в мареве парило полотнище с рекламой: рыжая девица зажала в обеих руках римейк новинки Apple работы адских мастеров. Слоган: «Айблин 4. Никакого звука. Никакой связи. Полная хрень. Трахайся ещё больше!»

Шеф благосклонно посмотрел на соседку, затянутую в короткое платье из фиолетового бархата с большим вырезом. Именно девица и была задействована в рекламе. Пухлые губки, четвёртый размер груди, благоприятно-длинные ноги – в общем, сладкий сон ученика восьмого класса и всех последующих возрастов.

– Шеф, я хочу вам отдаться! – облизнула губы рыженькая.

Водитель характерно, по-поросячьи причмокнул.

– Потом, – уклонился Шеф. – Секса с начальством хотят те, кто отлынивает от работы. Раз уж мы застряли в пробке, я желал бы выслушать отчёт – как вводятся в действие наказания для новоприбывших грешников.

Рыженькая стряхнула слезу с накрашенной реснички. Она попала в Ад, подавившись презервативом во время одного интересного занятия. В качестве наказания её определили на работу маркетологом Шефа – хотя девушка могла произнести слово «маркетолог» только под наркозом.

Проглотив обиду, она достала из кожаного портфельчика папку.

– Вот, – протянула рыженькая Шефу фотографию. – Известный актёр.

– Аааааа, – улыбнулся Шеф. – Помню... он, кажется, Штирлица играл.

– В Аду его определили в сериал, – монотонно бубнила маркетолог. – «Сто миллионов мгновений лета». Пока что двадцать серий сняли: объект страшно недоволен. Каждый день скандалы на съёмочной площадке.

– Ничего нового, – хмыкнул Шеф. – Актёры свои звёздные роли от души ненавидят. Когда Калягин в Ад попадёт, вот будет песня – он терпеть не может «Здравствуйте, я ваша тётя!» А мы хлоп – и контракт с подписью кровью, на двести тысяч лет, надевай платице и парик – загляденье!

Маркетолог, посплюнув пальчик, перелистнула страницу.

– Лех Качиньский, президент Польши, – по слогам произнесла она фамилию. – По понедельникам – стандартное наказание. С утра до вечера пишет просьбы в Белый дом разместить американские ракеты в Польше, все письма возвращаются с резолюцией красным карандашом – «Иди на хрен!» Элитные мучения – уроки русского языка, путешествия на «машине времени» в 1912 год, когда Польша была в составе Российской империи. За последний месяц потерял десять килограммов. И это – только начало.

Шеф благосклонно кивнул, изучая коготь на пальце левой руки.

– Да, не надо ему было настаивать на посадке самолёта. Следующий?

– Майкл Джексон, – сухо проинформировала рыженькая. – Поместили в особый мир, где нет детей, кислородных камер, арабских шейхов и денег.

– Армия Северной Кореи, что ли? – удивился Шеф.

– Нет-нет-нет, – замотала головой рыженькая. – Специально под него район создали. Проект забабахали – кучу специалистов из Голливуда привлекли для проработки декораций. А оказалось – всё зря. Ничего не помогает... он не может так существовать, сразу теряет сознание. Детей в Аду взять неоткуда, поэтому даже не знаю, что нам делать... Джексон так и будет в летаргии.

– Проще простого, – пожал плечами Шеф. – Берите пигмея, гримируйте под мальчика. Джексон очухается, и мы его быстренько переместим. Но наказание не удалось. Даю задание – срочно придумать новое.

Маркетолог сделала отметку в «айблине». Лимузин Шефа начал медленно двигаться, как мёд по стеклу, вызвав восторг шофера. Шоссе отреагировало тоскливым – «уууууу»: год назад в Аду запретили сигналы.

– Далее, позавчера прибыли десять немецких солдат из Афганистана, – по-канцелярски перечисляла рыженькая. – Теракт смертника...

– О, ежедневная рутина, – зевнул Шеф. – Дай-ка я угадаю, какой вердикт им вынесло *Управление наказаниями*... триста лет без пива? Стоило Малинину и Калашникову сгинуть в Небытие, с креативом завязали. Для немцев стандартная кара. Нет, я понимаю, что им без пива плохо, как русским без водки и баб, но мне скучно: не вижу полёта фантазии.

...«Мерседес S666» Шефа миновал гипермаркет «Чёрт-Медиа»: там продавались китайские электронные поделки, имеющие свойство ломаться сразу же после покупки. Жители Приморского края чувствовали себя как дома. Неподалёку висел огромный плакат блокбастера «Затмение» – историю большой любви кровососов показывали в квартале сварщиков, сантехников и чернорабочих. Три раза в день. Неизменно. Те волком выли, видя на экране вампирские нежности, но *Управление наказаниями* ничего не меняло.

«Вот это как раз неплохая идея, – усмехнулся Шеф. – По крайней мере, когда Стефани Майер попадет в Ад, не надо будет ничего изобретать – просто поселим авторшу в квартал сварщиков. Её будут каждый день растирать в кашу со словами: „Ну обрати же меня в вампира, я так тебя люблю!“

– Тут еще жалоба от барона Леопольда фон Захер-Мазоха, – маркетолог хрустнула листом, покрытым порыжевшими строчками, – письмо было написано кровью. – Скандалит: дескать, недостаточно мучают. Ни щипцов, ни колючей проволоки, ни банальных плеток. По-моему, человек уже в шоке.

Шеф взял листок, аккуратно сложил в несколько раз и порвал в клочки.

– Мужик обнаглел, – вынес он резюме. – Его специально не мучают, барон ловит кайф от боли – термин «мазохизм» слышала? Ах, ну да, ты скорее слышала термин «эпиляция». Если фон Мазох желает мучиться в экстазе, ему надо в Рай попасть и там просить щипцов. Жалобы не принимаются.

«Мерседес S666» наконец-то подполз к небоскрёбу *Управления наказаниями*. Шофер радостно зачмокал, Шеф тоже расслабился – сейчас он окажется в подвале, выпьет чашечку кофе с перцем (фирменный рецепт мамы), освежится виски и посмотрит рекламные ролики. Дверцу распахнул новый помощник, назначенный вместо Калашникова, – лётчик Валерий Чкалов. Лихо откозыряв рогам Шефа, он склонился к его волосатому уху и что-то быстро, прерывисто прошептал.

Шеф подскочил так, что едва не ударился о потолок салона.

– Что?! Все митрополиты поголовно? Всё руководство попало в Ад?!

Чкалов вел себя сдержанно: только кивал на каждый вопрос. Шеф нервно выбрался из «мерседеса» – хорошего настроения как не бывало. Фасад *Управления наказаниями* целиком занимало зловещее панно – рогатый силуэт в маске с прорезями для глаз, с топором в руке, рядом с официальным слоганом Ада —

Ты здесь НАВСЕГДА, лузер. Смирись и подчиняйся!

– Мне не нравится картина, – скривился Шеф. – Это не демон, а козёл.

– Заменяй, – согласился Чкалов. Он вообще мало когда возражал.

– Немедленно свяжитесь с нашим офисом под Москвой, – буркнул Шеф (*говоря «под Москвой», он имел в виду не Подмосковье, а бункеры Ада, вроде подземелья под «Пушкинским»*). – Я хочу знать, что у них происходит.

...«Сменить козла» – облизнувшись, торопливо записала маркетолог.

Глава V. Геенна огненная (Ерушалаим, у Львиных ворот)

...В глубине души Малинин жалел, что послушался Калашникова и не бросил дублёрку в адском убежище № 220 – под кинотеатром «Пушкинский». Ему не верилось, что зимой где-то может быть тепло. Однако вскоре после приезда в Ерушалаим он был жестоко разочарован – как назло, тут установилась погода + 25, при отсутствии дождя. Часа три Малинин, со свойственным ему казачьим упрямством, таскал дублёрку на плечах, посещая вкупе с Калашниковым корпункт CNN и соседей покойного биолога Рюмина. Он вконец запарился, истекая влагой, как спелая груша соком. Ближе к вечеру казак поддался на уговоры и оставил верхнюю одежду в отеле Crown Plaza. Расспросы свидетелей и записи закончились только часам к восьми, изрядно уставшие, напарники брели к Львиным воротам Ерушалаима вдоль торгового ряда, где арабы продавали варёную фасоль прямо из котлов и на предделе лёгких расхваливали свой товар. Бледный брюнет со шрамом на лбу и его конопатый попутчик с рыжими вихрами не интересовали ни торговцев, ни прохожих. Со стороны старого города один за другим зажглись зелёным минареты – началась вечерняя молитва. Золотой купол мечети аль-Акса, казалось, парил в воздухе, утратив в сумерках свой фирменный блеск.

Вдохнув горячий воздух, Калашников оглянулся.

– А знаешь ли, братец, – изобразил он экскурсовода. – Вот тут, совсем неподалёку, находится так называемая *геенна огненная*. Четыре тысячи лет назад здесь располагался библейский Тофет. Местные жители, финикийцы, приносили жертвы богу Баалу, кидая детей живьём на раскалённые угли. Потом, ввиду ошибки, *геенной* стали называть Преисподнюю – дескать, у нас тоже все подряд жарятся. Но, как ты сам видел, Ад – это нечто совершенно другое. Желаете поближе познакомиться?

Малинина наличие рядом геенны огненной вовсе не порадовало – он усиленно замотал головой, дав понять, что заниматься осмотром не хочет.

– Спасибо, вашбродь, – сплюнул казак сквозь зубы. – И без *геенны* вашей вполне на душе погано. Куды ни гляну – каждый куст напоминает, как нас с вами римляне на Голгофу тащили, да потом прибывали к крестам. Кипарисы эти долбаные, домики белые. Свалить бы отседова поскорее.

Калашников благоразумно промолчал: три года назад именно через Львиные ворота, в точности повторяя путь Кудесника, они вошли в Ерушалаим. Радовать этим фактом нервного Малинина явно не стоило. Вступив в пределы старого города, оба с головой окунулись в крики торговцев сувенирами, запахи бараньей шаурмы и восточных специй.

Связной ожидал их в арке, на границе еврейского и арабского кварталов.

Шеф по известным причинам предпочитал не иметь подземных баз в Ерушалаиме: от города у него, как и у Малинина, остались плохие воспоминания. Но представители Ада имелись, причём в достаточном количестве. В аэропорту Бен-Гурион напарников встретил бизнесмен Давид Зелинский – невысокий стриженный крепыш в цветастой рубашке и тёмных очках. Чувствовалось, ему нравится играть в шпионов.

Связной шагнул к ним из арки и оглянулся.

– Простите, вы не продадите мне душу? – приподняв очки, прошептал он.

– Ох, только что продал последнюю, – скривившись, ответил на пароль Калашников. – Зайдите завтра – мой офис на виа Долороса¹⁰.

Взяв Алексея за рукав, Давид втащил его в сувенирную лавку.

¹⁰ Улица в старом городе Ерушалаима – как считается, именно по ней прошел Кудесник к месту казни на Голгофе.

– Вы обсмотрелись фильмов про разведчиков, – усмехнулся Калашников. – Зачем нам общаться здесь? Мы спокойно могли встретиться в безлюдном месте, за городом... сесть и говорить без свидетелей. Тут же полно народу.

– А это и к лучшему, – шепотом заговорщика заметил Зелинский. – В толпе легче скрыться, кроме того – в Ерушалаиме спецназ и полиция на каждом шагу. Ну, и ещё один момент – это магазин моего брата. Вдруг после беседы вы захотите купить магнит себе на холодильник?

Калашников вспомнил свой холодильник в Городе – древний, насквозь проржавевший ЗИЛ. Работал он пару часов в сутки (ужасно при этом тарахтя), но в Аду иметь морозилку считалось особой привилегией. По крайней мере, там можно было охладить воду.

...Все трое прошли в подсобку магазина, присели на низенькие скамеечки. Зелинский что-то сказал брату на иврите, и тот принёс холодную пепси.

– В Аду сгорают... от нетерпения, – скаламбурил Давид, открывая бутылку. – Мне скоро выходить на связь с Городом... есть новости рассказать?

Калашников потянул через трубочку ледяной напиток.

«Мда, вот почему мы при жизни это не ценим? Жарко, хочется пить, пахнет шашлыком, ты идёшь, прикасаешься к камням, слышишь жужжание пчелы. Надо дорожить каждой прожитой секундой... потом этого не будет».

– Ничего сенсационного я не выяснил, – вздохнул Калашников. – Вопреки мнению Шефа, я не Шерлок Холмс – не могу приехать и за две минуты всё раскрыть. Хорошо, хоть проблем со свидетелями не было, моё удостоверение Интерпола как настоящее: Ад веников не вяжет. Что мы имеем по фактуре? Биолог Рюмин дважды привлекался спецслужбами для исследования секретных образцов ДНК – тех, что нашли на Масличной горе. Директор корпорации CNN уверен – Рюмин ничуть не блефовал. У него реально имелись копии исследований, а может быть, и сами образцы. Биолога видели соседи – возвращался домой, улыбаясь... а потом чем-то страшно гремел и ругался. Дальше уже ничего не было слышно. Утром – труп и вскрытый сейф.

– Действительно, маловато, – приуныл Зелинский. – Неужели это всё?

– Нет, не всё. – Калашников поставил бутылку на пол. – Взбалмошный старик, что держит пекарню напротив квартиры Рюмина, тоже отметил его отличное настроение – тот зашёл к нему за булочками. А потом... Дед клянётся – своими глазами наблюдал «странную девушку». Да, девушек со странностями в нашем мире как минимум пара миллиардов, но не все имеют привычку по вечерам *вылетать* из окна биолога, которого затем находят мёртвым. Пекарь озвучил свои наблюдения полицейским, но вместо благодарности получил тест на употребление наркотиков. Старик ужасно обиделся. Он божился, мол, зрение у него орлиное, и он отлично помнит девицу. У неё были особые крылья – с металлическим отливом.

– А что показал тест на наркотики? – осторожно спросил Давид.

– Их полное отсутствие в крови пекаря, – отозвался Калашников. – Поэтому я не исключаяю того, что дедушка говорит чистую правду. Но... если Голос вне игры – откуда же тогда взялись ангелы-убийцы?

Малинин с омерзением посмотрел на пепси:

– Вашбродь... я конечно же ничего в этом не понимаю...

– Как обычно, братец, – кивнул Калашников.

– Однако как Кудесник мог умереть? – не слыша, разглагольствовал Малинин. – Он же настоящий, не поддельный. Мы сами видели: мужик умел творить обалденные вещи. Взять превращение воды в вино – да за это памятник ему золотой нужен! Вот почему Кудесник остановился? Я бы на его месте превратил в вино и реки, и моря, и окояны, и пруды... болото сколько... А дождь как часто идёт? Случился бы тогда, вашбродь, сущий Рай на Земле.

Вышел с утраца из дому, опрокинул стопарь дождевой водицы, схрумкал огурчик и на работу – шлёпаешь по лужам, а душа поёт.

– Есть такой анекдот: «Получив в подарок от мамы набор „Юный сантехник“, школьник Вася спился за две недели», – цинично ответил Калашников. – Именно это, братец, и произошло бы с тобой в Раю алкогольной модификации. В чём согласен – я и сам ситуацию не очень понимаю. Да, нас с тобой распяли на Голгофе вместо Кудесника. По канонам жанра в истории должен произойти сбой. А его нет. Погляди на Ерушалаим – офисы Голоса работают и религия существует – значит, он всё исправил. Тем более особо стараться и не надо – Пасха отмечается не в конкретный день, даты всегда разные... сдвинул Голгофу на недельку, и всего делов. Неважно, как, но у Кудесника всё получилось: и поцелуй Иуды в Гефсиманском саду, и суд у Понтия Пилата, и распятие, и обязательное воскрешение. Это с одной стороны. А с другой – тест ДНК, который официально означает его смерть. Умереть он не мог. Тогда в Ерушалаиме произошло нечто загадочное. Только вот что именно?

Зелинский вернулся с новой бутылкой пепси.

– Вы очень любезны, – поблагодарил Калашников.

– О, не стоит, я в счёт внесу, – улыбнулся Давид. – Ад компенсирует мне расходы, в том числе и по вашему приёму. Шеф даёт не обещания, как Голос. По традиции Ад всегда платит золотом. И я ещё не видел ни одного человека, кто отказался бы работать на Шефа, – русского, перса или немца. Тут не столько деньги, сколько вопрос посмертного престижа.

– То есть? – изумился Калашников.

На улице грянул гром – дождь полил моментально, как из ведра.

– Господин хороший, рано или поздно мы все-таки умрём. – Давид с чувством сел на скамеечку. – Вечная жизнь не предусмотрена по разным причинам, и для евреев в том числе – ну, кроме одного мальчика из Назарета. Если бы я верил в реинкарнацию, то другой вопрос. Веди себя хорошо, в другой раз станешь могучим слоном или добрым псом. Но наше и ваше божество в определении грехов, увы, одинаково. Грехов же у делового человека достаточно, потому что бизнес по-честному не ведётся. Там обманул, здесь украл, тут смухлевал – и пожалуйста в адские котлы. Я работаю не потому, что Шеф мне так симпатичен, а потому, что знаю – я попаду в Ад, и нужно устроиться комфортно. Какие у вас наказания для бизнесменов?

– По-разному, – сказал Калашников, опустошив вторую бутылку. – Вот олигархи, для них особый квартал, они дворниками работают. Особо упёртых, вроде Рокфеллера, могут наказать поземному: отправят в Девятый круг Ада, в вечную мерзлоту варежки шить. Есть и круче. Превратят в азербайджанца и отошлют на рынок, в район десантников из ВДВ...

– Какой кошмар, – передёрнуло Давида. – Об этом я вам и толкую. Но вы – прекрасный пример. Гляжу на вас и вижу – даже в Аду, среди котлов, можно отлично устроиться. Жизнь – мелочь. Иные и полвека не живут, а потом сто тысяч лет в масле Преисподней жарятся. Это инвестиции в будущее – можно и на силы тьмы вкалывать. Деньги же... Мы не работаем бесплатно, меня мама не поймёт. «Продал душу Шефу, а где золото?»

Малинин брезгливо отодвинул пепси. Давид прочувствовал момент.

– «Кеглевич» пойдёт? – спросил он и прочел горячее согласие в залитых чёрной тоской малининских глазах. Спустя минуту Малинин сидел со стаканом водки в руке и ощущал себя абсолютно счастливым человеком.

– Я очень за вас извиняюсь, – наклонился к Калашникову Зелинский. – Значит, вы уверены, что девушка ангел? Так Шефу и следует доложить?

Калашников немного «завис» с ответом.

– Лишь одно меня смущает – нехарактерный цвет крыльев, – признался он. – И я уже вёл в своё время дело неких ангелов. То, что эти существа носят хитоны и умеют летать, вовсе не делает их безмолвными рабами Голоса. Ангелы ведь не всегда действуют по при-

казу. Иногда херувимы строят свои заговоры – похоже, мы имеем дело с одним из них, очень хитрой конструкции. И ещё – я не исключаю, что в этом деле сразу два игрока... возможно, кто-то явился к Рюмину до ангелов. Грохот, ругательства – странное поведение для человека, только что заработавшего десять миллионов баксов. Рюмин дома обнаружил что-то там не то. Почему я думаю, что его убили ангелы? Я своими глазами видел, как ангелы умеют убивать. Нам придётся задержаться в Ерушалаиме...

Малинин в ужасе отпил полстакана. Давид поднялся со скамейки.

– С вашего позволения, я сейчас свяжусь с Шефом, – вздохнул он. – Ой-вей, он приказал всё докладывать ему лично. Работаю по старой рации, осталась от дедушки-фронтовика – морзянкой, без веб-камеры... так-таки лучше, а то застукают, что являешься агентом Ада, – перед соседями ж неудобно.

Он вернулся уже через пять минут – буквально ворвался, блестя глазами: даже не сняв наушники с коротко стриженной головы.

– Послушайте, у нас такие новости! Всё с ног на голову! Вам не нужно здесь оставаться! Скорее в аэропорт и назад в Москву... Секунду, я расскажу...

Дверь в подсобку вышибло взрывом, комнату окутали клубы чёрного дыма.

Прозвучали короткие, чавкающие звуки – как плевки.

Зелинский недоуменно посмотрел на Калашникова, пытаясь что-то сказать. Из открытого рта пошла кровь, и он свалился на пол. Разъём в дверном проеме, вскинув АК-47 с глушителем, – выстрелила дважды, сначала в хозяина магазина, потом опять в Зелинского. Перестреловка – оба были уже мертвы.

– Посланцы Ада, – улыбнулась девушка, наводя ствол. – Привет от Голоса...

За её спиной развернулись крылья – огромные, с металлическим отливом.

Малинин одним глотком допил водку.

Экспедиция № 2. Тиберий Цезарь (Мизена, Римская империя)

...«Жарко... как жарко... почти... невозможно... дышать...»

– Ливий! – хрипло зовёт Тиберий. – Где ты, я не вижу тебя?..

Он лежит на груди цветастых тряпок – ковров, свёрнутых вдвое туник, просто кусков шёлка. Обессиленный. На лбу дрожат капли пота – белёсого, смешанного с гноем. Тень отделяется от стены, неслышно скользит к его ложу. Начальник тайных ликторов не выходит из спальни – даже на пару минут. Когда он ест, спит и посещает отхожее место – загадка и для самого Тиберия. Ливий – как бесплотный дух, возникающий по первому зову дряхлого императора.

– Я тут, пятикратно пресветлый цезарь.

– Страшная жара. Мне душно... прикажи открыть окна!

Ливий молчит. Середина марта, пусть и юг, но вечерами прохладно. Нараспашку открыты двери и окна на вилле, а цезарю жарче и жарче. Он умирает – но кто осмелится сказать ему это в глаза? Скоро всё кончится. Ливий скользит взглядом по старческому лицу, испещрённому гноящимися язвами, видит слёзы на щеках цезаря.

– Сейчас откроем. Не беспокойтесь, imperator.

Кровати в спальне нет. Сначала цезарь велел убрать балдахин – вдруг обрушится ночью? Потом и саму кровать – заговорщики подпилят ножки, он упадёт, переломает себе кости. Помпезный зал с красочными фресками совокуплений¹¹ без мебели – а ну как кто-то из гостей заслан врагами, возьмёт и обрушит на голову стул. По груди промокших от предсмертного пота тряпок, заменивших цезарю ложе, ползают мухи. Тиберий берет одеяло, проверяет, не пропитана ли ткань ядом, отбрасывает, хватается другое. Снаружи у каждого окна виллы преторианец, слуга префекта Макрона: хитрец Макрон управляет империей, пока цезарь чахнет на вилле в Мизене.

Охрану меняют каждую ночь, чтобы не успели вступить в заговор. Кругом враги, ведьмы, отравители. Скорее бы он умер. Уж скорее бы.

– Ливий... – задыхаясь, спрашивает цезарь. – Что говорят сенаторы?

– Плачут, о пятикратно пресветлый, – кланяется Ливий. – Говорят, не хотим другого цезаря, только этого – на веки вечные. Ляжем в бронзовую ванну, вскроем вены и жизни лишимся, если уйдёт от нас.

Тиберий удовлетворённо закрывает глаза. Веки белые, как у курицы.

– А народ... он сожалеет о моей болезни?

Начальник тайных ликторов не меняется в лице.

– Если собрать все слёзы, что они проливают, – в Риме появится новая река, шире и глубже Тибра, – кланяется Ливий. – Но никто не усомнится – боги подарят цезарю множество долгих лет жизни...

«Почему... так... тяжело... дышать»...

– Выйди... – слабо машет рукой цезарь. – От тебя идёт жар...

Смятение. Как? Оставить повелителя? ОДНОГО? Но это... Однако только безумный осмелится спорить с императором, даже если его приказ еще более безумен. Закрыв за собой створки дверей зала, Ливий едва не сталкивается с двумя людьми – префектом претория¹²

¹¹ В старости (34–37 гг. н. э.) Тиберий конкретно подсел на порнографию. Помимо фресок, что заполонили дворцы, к его трону ежевечерне вызывали молодых людей для совокупления. Цезарь предпочитал наблюдать за двумя юношами и девушкой либо за двумя девушками и юношей. Это отмечал историк Светоний в «Жизни двенадцати цезарей».

¹² Начальник личной охраны императора. вздорным парнем, любимцем плебса и преторианцев. Друзья звали его Сапо-

Макроном и наследником трона Гаем – вздорным парнем, любимцем плебса и преторианцев. Друзья звали его Сапожок, то есть Caligula.

– Как здоровье цезаря? – с надеждой осведомился Гай.

– Как обычно – ему лучше, – ответил Ливий без тени улыбки.

– Хвала богам, – вздохнул Калигула и заметно помрачнел.

– Мы молимся им неустанно... – дополнил Макрон.

«Да, уж ты-то молишься, – подумал Ливий. – Любая собака в римской подворотне знает: ты спихнул красотку-жену в постель к наследнику Гаю, дабы сохранить бразды правления империей. Ну да ладно... мы ещё посмотрим, кто подомнет под себя Калигулу...»

Рабыни поднесли им воду с кусочками льда и лепестками роз.

...Тиберию послышался шум. Тихий вскрик, удар у окна. Звон упавшего оружия. Рот императора открыт – он хочет позвать на помощь. Но не может. Только слабый свист и тихие хрипы. Воздух колеблется, расчёрчиваясь белыми линиями... словно рисует. Он видит этот рисунок всё ярче – женщина, лет тридцати... Завернута в пурпурную материю, по плечам рассыпались длинные чёрные волосы.

– Прошу, осторожнее. – Призрачный голос говорит мягко, но настойчиво. – У нас десять минут... потом я снова введу тебя в *невидимость*. Успеем ли, мама? Посмотри, он ведь совсем слаб.

Женщина присаживается на грудь тряпок... цезарь хочет отодвинуться, но нет сил. Незнакомка трогает пальцем его щеку.

– Где банщик из ерушалаимских терм? – тихо спрашивает она. – Почему он исчез из города? Что ты задумал, о цезарь?

Зрачки Тиберия мутнеют, но он ещё способен говорить.

– Я знал, что вы придёте. – Он делает усилие, вымучивая слова. – Кудеснику не править этим миром. Храмы в его честь рухнут, как храмы в честь Юпитера. Мне не увидеть краха... но мой план сработает. Банщик в надёжном месте... вам его не найти.

Женщина оборачивается к пустому пространству.

– Что же с ним делать? – Её шепот плавится между колонн. – Ты не знаешь, случайно... ангелам не разрешается применять пытки?

Воздух напротив сгущается, будто его разбавили водой.

– Разве что во имя добра, – сообщает ответный шепот. – И с молитвой.

Тиберий раскрывает беззубый рот, пытаясь смеяться.

– Пытка? Я ничего не чувствую. Вам придется к у п и т ь то, что вы ищете. Я хочу жить. Исцелите меня... и я назову город, куда отправил банщика. Вы служите Кудеснику... он всё может... прошу... помогите...

Воздух темнеет. Тиберий пытается понять: ему кажется или он действительно видит очертания юноши с крыльями за плечами.

– Я способен исцелять... но зачем тебе жизнь, цезарь? Рим ненавидит тебя. Разве не слышишь, как кричат на площадях: «Тиберия в Тибр!»? Ты правишь империей двадцать три года... неужели недостаточно?

Мир вокруг блекнет. Смерть держит цезаря за горло.

– Кто будет лизать землю, попробовав сахар? – почти в агонии сипит Тиберий. – Власти, как и денег, всегда мало. Сделай, как я сказал... вам пора найти банщика... иначе будет поздно.

Женщина и ангел переглядываются. Она закрывает рот тканью.

Пространство рассыпается осколками.

На лоб Тиберия ложится невидимая рука. Холодная, как лёд.

– Хорошо, цезарь. Твоя болезнь исчезнет. Ты уснёшь, а когда проснёшься, почувствуешь облегчение: будешь слаб, однако – жив. Но знай – это не делает тебя бессмертным... Спасённый от одной смерти, как ты можешь знать, когда придёт вторая? Говори и не вздумай обмануть меня. Я узнаю сразу, если рискнёшь ложью.

По телу Тиберия разливается блаженная прохлада. Прикосновение ангела вдыхает в сердце жизнь. Голову не жжёт, веки тяжелеют. Женщина склоняется над ним... он шепчет ей на ухо несколько слов... и засыпает – полудетским, спокойным сном.

Лицо ангела растворяется в воздухе.

Женщина тоже исчезает. Они покидают виллу так же, как и вошли, – через окно. Цезарь этого уже не видит, сладко улыбаясь во сне.

...Через четверть часа Ливий всё же осмеливается открыть двери. Тиберий недвижим, раскинувшись посреди груды тряпок. Достав из складок тоги начищенную медную пластинку, ликтор прикладывает её к вялым губам императора. Ждёт. Дыхания нет.

– Пятикратно пресветлый цезарь беседует с богами. – Макрон вальяжно выплывает из-за спины Ливия. – Горе, постигшее нас, так же велико, как и счастье... счастье лицезреть принцепса Сената, первого среди равных... цезаря – Гая Юлия Цезаря Августа Германика!

Рот Калигулы подергивается. Нос заостряется, щеки бледнеют. Не в силах сдерживаться, он падает перед телом на колени, хватая старческую, сморщенную руку. Не для поцелуя. Обдирая с пальца кожу, Гай стаскивает золотой перстень с орлом – символ верховной власти Рима.

Секунду – и перстень на его руке.

Калигула отставляет палец в сторону, любуясь блеском орла.

– Ave Ceasar, – слаженно говорят обступившие Макрона сенаторы. В глубине души они ненавидят 25-летнего выскочку – и он это знает.

– Как нам поступить с покойным цезарем? – произносит тучный бородач с кольцом всадника¹³. – Наверное, по прежней схеме – воздать ему почести и причислить к богам?

– Ну скажете тоже... – брезгливо вскидывает брови его сосед. – Прямо уж и к богам. Мелкий, заурядный, скучный цезарь – а мы его сразу в боги. Эдак, да простит меня Юпитер, мы и центуриона богом сделаем. Ещё неизвестно, во сколько Риму обойдутся похороны. Моё мнение – хоронить надо как можно скромнее, без помпезной пышности. Экономические проблемы империи, падение сестерция перед парфянской драхмой – народ определенно нас не поймёт.

В потолке открываются ниши – сыплются лепестки роз.

– Ты совершенно прав, Сатурний, – медовым голосом тянет третий сенатор. – У нас есть настоящий бог, с коим не может сравниться ни один из смертных римлян... пятикратно пресветлый цезарь Гай.

Калигула, кажется, не верит в своё счастье. Он приближает и отстраняет перстень, смотрит в тусклые глаза золотого орла. Гремя оружием, в зал входят преторианцы: их позвал дальновидный Макрон на случай, если кто-то из сенаторов вспомнит о завещании Тиберия.

Ведь там указаны два наследника¹⁴.

– ДАЙ СЮДА ПЕРСТЕНЬ.

...Калигула, да и сами сенаторы, замирают от ужаса. Тиберий открывает глаза. Он все ещё слаб, но зрачки ясны, руки не дрожат – от болезни не осталось и следа. Взгляд осмыслен,

¹³ Всадник (эквит) – сословие в древнем Риме, второе после сенаторов.

¹⁴ Согласно завещанию, императорами должны были стать Калигула и внук Тиберия – 17-летний Гемелл. Однако Сапожок заставил Сенат признать завещание недействительным и приказал убить Гемелла.

и каждому понятно: он слышал всё. Всё, что говорилось каждым в этом зале... людьми, думавшими, что император мёртв. Слова цезаря налиты ненавистью.

– Нет, похороны определенно надо попышнее, – в ужасе лепечет второй сенатор. – Я ошибся. Сатир с ним, с народом... такой великий цезарь, для чего скупиться? Лично я последние деньги отдам, а вы?

Молчание.

Тиберий ощеривает рот – лицо перекашивает злобная гримаса.

– СНИМАЙ, УБЛЮДОК.

Калигула вдруг сжимает кулак. Так, что белеют пальцы. Он упрямо мотает головой, прикусив губу, – на подбородок течёт струйка крови. Пятится к фрескам: туда, где две женщины ублажают мужчину.

– ВАМ ВСЕМ КОНЕЦ.

Макрон выходит вперёд. Вскидывает руку – она не дрожит.

– Эй, преторианец. Подойди сюда. Ты, ты и вот ещё ты...

Солдаты окружают своего префекта. Личная охрана императора, дворцовая гвардия – каждого он подбирал персонально.

– Цезарю холодно, – чеканит Макрон, и в глазах его – пустота. – Помогите ему согреться. Укройте одеялами. Быстро, я сказал!

Преторианцы не колеблются. Префект приказывает – ему за всё отвечать. Лицо цезаря закрывает толстая шерстяная попона. Сверху кладут солдатские накидки... сверток из ткани... стопку простыней.

Тиберий хрипит. Он задыхается. Ему нечем дышать.

Старческие руки пытаются столкнуть ворох тяжёлой одежды, но Тиберий ещё слаб, слишком слаб... пальцы не слушаются... в глазах темно... в ушах пульсирует боль... ЧТО ЭТО... ЧТО ЭТО... ЧТО ЭТО...

– Ливий... кто-нибудь... помогите... я ваш импера... ааааа...

Никто из сенаторов не двигается с места.

– Ave Ceasar, – улыбается Макрон, целуя перстень Калигулы.

...И он, и сенаторы, и преторианцы терпеливо ждут *окончания*. Руки Тиберия сжимаются и разжимаются, бессильно колотя по груди одежды, хрипы из-под тряпья слышатся всё слабее и слабее.

...Ливий отворачивается – чтобы не видеть последнюю судорогу...

Глава VI. Сотворение пива (Небесная Канцелярия)

...Попугай пролетел, задев крылом плечо Голоса. Зелёный, с красным хохолком, большим клювом – словно только что с мачты пиратского корабля. Голос умиротворённо вздохнул, оглядывая райские кущи. Финиковые и кокосовые пальмы, манговые деревья, кусты с ананасами – заросли овеивает лёгкий морской бриз. Но никакой изнуряющей жары, положенной в тропиках, а кожу не облепляют кровососы. Среди пальм гуляют пятнистые олени, райские птицы, сидя на ветках, заливаются пением. Он спроектировал всё сам, как ландшафтный дизайнер. И японский сад камней, и горячие источники, и горный ручей с хрустальной водой, протекавший у его ног, и чудесные пляжи с белым песком, что посрамили бы даже Таиланд. Кто усомнится, что именно здесь находится Рай?

Послышались шаги, их смягчал песок.

Архангел Варфоломей, занявший место главы администрации Небес (после падения архангела Габриэля), осторожно зашел в бамбуковую беседку. Согнутым локтем он прижмал к животу небесно-голубую папку с бумагами.

– Скажи, Варфоломей, – мягко спросил Голос, одолеваемый целой бурей философских мыслей. – Вот лично тебе чего здесь не хватает?

Архангел не стал ломаться: надо ковать железо, пока горячо.

– Пива, – быстро нашёл Варфоломей. – Желательно разливного.

Голос щёлкнул пальцами. Горный ручей начал пениться и благоухать хмелем, немедленно обратившись в спектр лучших сортов эля. Налив себе по кружке (Голос создал ёмкость из воздуха), оба вернулись в беседку.

– А чем оно так нравится? – поинтересовался Голос, сдувая пену.

– Да сам не знаю, – задумался Варфоломей. – В земных командировках привык. Вечером придёшь в офис после битвы со слугами Ада, хочется расслабиться. А по телевизору одна пивная реклама. Вот и втянулся.

Голос с любопытством отпил глоток янтарной жидкости.

– Предпочитаю вино, – сообщил он. – Под рыбу очень неплохо идет.

– Тебе виднее, – согласился Варфоломей. – Но меня пиво больше вставляет.

Спохватившись, Голос сотворил солёный арахис. Архангел набрал целую горсть, жмурясь, захрустел полным ртом и раскрыл голубую папку.

– Адам с Евой снова поругались, – скучно доложил он. – Разъехались по разным бунгало. Неудобно, куча праведников слышала, как Ева орала на весь Рай: «Ты мне жизнь испоганил, скотина, видеть тебя не могу!» Адам крепился, но в связи с этим (*Варфоломей достал из папки тонкий лист рисовой бумаги*) написал тебе прошение – просит вернуть в организм ребро.

Голос даже не взглянул на потянутый лист.

– Откровенно говоря, Адам просто не знает всей правды, – сообщил он. – Ева была сделана вовсе не из ребра. Ребро – это кость, а там нужна плоть и кровь.

– А из чего же? – изумился Варфоломей.

– Э... – Голос выразительно посмотрел ему в глаза.

Поражённый новостью, архангел зачерпнул из ручья ещё эля.

– Они потом помиряются, – успокоил его Голос. – Просто, знаешь, бывает у людей кризис семейных отношений. Три года совместной жизни, семь лет... а они уже почти восемь тысяч лет вместе живут: озвереешь тут друг от друга.

– Но Ева, конечно, ужасно скандальная баба, – сморщился Варфоломей. – Ты представляешь, теперь она в ссорах с Адамом отпирается, что первая откусила яблоко. Утверждает,

во всём виноват Адам – вступил в сговор со змеем-искусителем, привязал к дереву, насильно кормил плодами.

Голос кивнул – с улыбкой. Концерты Евы были в Раю не в новинку.

– Я так не думаю, но многие задаются вопросом: для чего тобой сотворены женщины? – Судя по всему, эль разгорячил архангела, иначе бы он не рискнул поднять столь острую тему. – От баб ведь сплошное зло!

Голос поднял правую бровь и откровенно расхохотался.

– Ну ты даёшь! Представь альтернативный мир, где ты живешь со злым толстым Моисеевым и бегаешь от него на свиданки к симпатичному Элтону Джону. В стриптиз-барах танцуют Пенкины под музыку Pet Shop Boys, «Плейбой» же издается с голым Сергеем Зверевым на обложке. Я тебя уверяю, ты бы продержался неделю, а потом пошёл и застрелился. Нет, мне уже активно намекали, что лучше бы я вместо женщины создал енота, который умеет борщ варить, – но, полагаю, это неравноценная замена.

Варфоломей мысленно согласился с Голосом и взял следующий лист.

– Стыдно признавать, но у нас, если так можно выразиться, случай дедовщины, – смущаясь, сказал он. – Праведники за манной небесной повздорили на тему, кто больше тебя любит. Первые, старозаветные (в их компании святой Илия), утверждали, что ближе с тобой знакомы и вообще на короткой ноге. А мученики, коих Нерон скормил львам, начали спорить – да ну и что, мы, дескать, за него жизни пожертвовали. Слово за слово, и до рукоприкладства дошло. Целым отрядом ангелов разнимали.

Ветер с моря принёс аромат жасмина.

– Что вообще за манера такая у людей? – Голос отставил кружку. – Сколько раз наблюдал – начнут дискуссию о духовности, а заканчивают обязательно дракой. В Интернете такое творится... зашел инкогнито на один форум комменты почитать, так у меня из нимба искры посыпались. Утомляет другой факт – всякий, кто расписывается в любви ко мне, готов бить оппоненту морду. Да-да, многие заметят – «Зачем ты создал людей»? Ну, изобретатель пороха в Китае наверняка думал – создает средство для классных фейерверков, а не способ убийства десятков миллионов.

Варфоломей с грустью отметил, что порох и в Раю вскоре пригодится, учитывая разборки праведников и скандалы Адама с Евой. До чего люди склочные существа! За что Голос их любит?

– Вызовем праведников на воспитательную беседу, – черкнул в блокноте осмелевший от пива архангел. – Но хочу сказать одну вещь. Некий психолог подметил – даже вечное блаженство порождает скуку своим постоянством. Прекрасная погода, сочные фрукты, ласковое море... первые двести лет прикольно, а потом от всеобщего счастья хочется попросту напиться и пойти кому-то рыло начистить. Не все такого мнения, конечно, но с праведниками из России часто случается.

Голос еще раз отхлебнул эля. Ему вдруг привиделась Земля – с колосющейся пшеницей, дремучими джунглями Амазонки и раскалёнными песками пустынь Сахары. Без людей вообще. Он помотал головой, отгоняя соблазнительное наваждение. Варфоломей смотрел на него с тревогой.

– Следующая новость. – Хмель испарялся из головы, и архангел тихо корил себя за развязность. – ТВ называет её сенсацией, но на деле – заурядный шпионский скандал. Подразделение ангелов возмездия задержало десять агентов Ада, проникших в Рай под видом гастарбайтеров. Эти мерзавцы селились тут, убирали улицы, сервировали праведникам на пляжах коктейли, а потом докладывали Шефу все подробности обстановки в Раю. Один из них, страшно сказать, в самой Канцелярии перья после совещаний выметал.

Голос страшно развеселился.

– Забавно. И что же конкретного они пытались узнать?

Варфоломей протянул Голосу листик с фотоснимками шпионов.

– Их интересовали служебные объекты ангелов в Москве. Явочные квартиры, гостиница для новоприбывших в командировку, комнаты совещаний и тренировочный зал. Слуги Шефа давно (и безуспешно) пытаются составить полную карту-схему наших точек в столице России. Ладно. Главный вопрос в том, что делать со шпионами. У нас в Раю даже тюрьмы-то нет – заперли их в люксах пустующей пятизвёздочной гостиницы. Среди арестантов – актриса Бриттани Мерфи, попала в Ад после party у русского олигарха. Ее конкретной задачей было разложение Рая – появляться на пляже голой и всячески демонстрировать перси в общественных местах.

– Кто-нибудь разложился? – полюбопытствовал Голос.

– Пару молодых херувимов, толком ещё не видевших перси, пришлось отправить к психологу, – печально вкусил арахис Варфоломей. – Ничего страшного. У нас эффективные курсы устойчивости против соблазна. А то был случай: юного и трепетного ангела отправили в командировку на Землю. Появился в Париже на пляс Пигаль, ошибся дверью, заходит, а там – бордель. Заикание потом сорок лет лечили.

Из-за пальмы, озираясь, королевской поступью вышел павлин.

– Это ему ещё повезло, что не на совещание «Единой России» попал, – без капли сочувствия сказал Голос. – Я как-то заглянул ненароком. Весьма сильное потрясение для психики, и эти последствия вряд ли лечатся.

На столе материализовались из воздуха баварские бублики – брецели.

– Так по поводу действий... – напомнил Варфоломей, взявшись за брецель. – Мы на совещании сошлись во мнениях: следует разразить шпионов молнией. Пепел сметём в хрустальную урну и выставим на площади Святой Троицы – чтобы все видели, чем грозит работа на существо с рогами. Славная пиаракция – можно сказать, такое впервые со времён Содома и Гоморры...

Голос высыпал арахис на ладонь и протянул павлину. Тот лениво повертел головой – как и все райские птицы, он уже давно пресытился.

– Они и так мёртвые, – сообщил Голос с олимпийским спокойствием. – Это тебя не смущает? Наглядные уроки предпочтительно показывать живым. Содом и Гоморра – ну... знаешь, я тогда был молодой, горячий. Считал, что все насущные проблемы можно решить огнём и серой. Проще дураков помиловать да выслать. Не забудь, мы ж их не куда-то высылаем, а в Ад...

Варфоломей не рискнул спорить – пивные пары уже улетучились.

– Ну, тогда финиш. – Он закрыл папку. – Между тем мы и сами не лыком шиты. У нас завербован свой агент в Аду – пусть один, но очень хороший. К счастью, Шеф его пока не раскрыл... в разведке свои сложности. Иначе пришлось бы устраивать обмен шпионов, выручать бедняг... а как может официально попасть в Рай королева Франции Мария-Антуанетта? Выход один – оформить её по визе «постоянного гастарбайтера»...

Голос нахмурился – точнее, чуть-чуть сомкнул брови.

– Меня эта система откровенно раздражает, – признался он. – Что, никто из праведников не в состоянии виллу подмести, убрать веточки с пляжа, смешать коктейль или подлатать хитон? Я ничего не понимаю.

Архангел всплеснул крыльями, выражая согласие.

– Да их попробуй заставь – выйдет боком. Сразу начнётся: «Не для того меня в ключья рвали львы на арене Колизея, чтобы я сам себе коктейли мешал!» Они так сильно за веру пострадали, что шевельнуть пальцем в Раю для большинства похлеще прелюбодеяния с блудницей вавилонской. Каждый скажет: Рай – это место для духовного счастья и молитв, а хитон свой почистить – нееее, сие наваждение Преисподней.

Голос хотел ответить, но тут залился трелью телефон с красной кнопкой. На проводе был Шеф – вне себя от бешенства. Виной тому являлся сам повод для звонка в Небеса, а также только что прослушанная реклама: «Откажитесь от злых замыслов прямо сейчас, и вы целый месяц сможете загружать в свой мобильный рингтоны суперхита „Аве Мария!“

– Мать вашу в Рай через просвирку, – неpolitкорректно начал Шеф. – Знаешь, я от тебя очень многое стерпел. Но это переходит всякие границы!

– Что именно? – кротко переспросил Голос.

В динамике зашипело – Шеф, не сдержавшись,дохнул огнём.

– Сейчас ты узнаешь, – пообещал князь тьмы. – Сейчас ты всё узнаешь!

Голос отклонился, зажав трубку рукой.

– Увидимся через полчаса, – улыбнулся он архангелу. – Это ненадолго.

...Уходя, Варфоломей с сожалением оглянулся на ручей: тот соблазнительно пенился и издавал чарующий запах. «В следующий раз канистру взять, что ли... – вздохнул он. – Подтверждено: ангелы могут совершать отдельные чудеса, в том числе и крупного масштаба. Исцеление, оживление, перелёты сквозь время. Но вот превращение воды в алкоголь – это, определенно, высший копирайт. Жаль. Так бы и создал ещё пол-литра!»

Глава VII. Сердце ангела (Ерушалаим, поздний вечер)

...Допив водку, Малинин безвольно опустил руку со стаканом. Ангел показала в улыбке белоснежные зубы – она привыкла к покорности жертв.

– Лови, дура! – крикнул вдруг Малинин и швырнул посуду в Раэль.

Та среагировала чисто автоматически – ловко поймала стакан свободной ладонью. В ту же секунду стекло лопнуло у неё в пальцах. Не вынимая руки из кармана джинсов, Калашников выстрелил – дважды. На груди Раэль расплылись пятна крови, проступив сквозь ткань белой блузки. Выронив оружие, она опрокинулась навзничь рядом с братом Давида.

– Хвалю, братец, – невозмутимо сказал Калашников.

– Служу тёмным силам, вашбродь! – щёлкнул штиблетами казак.

Оба быстрым шагом направились к выходу – проходя мимо тела ангела, Малинин нагнулся и подцепил автомат за ремень. Они уже миновали порог магазина, но... За их спинами поднялась тень крыльев – Раэль, шатаясь, привстала на колени. Глаза вспыхнули огнём. Попав точно в сердце, пуля «отключает» ангела, но лишь на полминуты. Крылья судорожно дёрнулись – развернувшись, как у орла на гербе, они затрещали белыми искрами.

– Во имя Небес... – хрипло сказала Раэль и простёрла обе руки.

Сгусток огня пролетел над головами беглецов – целая стена от пола до потолка взорвалась облаком пыли, разбросав мелкие куски щебня. Улица содрогнулась, как от падения авиабомбы, послышались крики женщин.

Толпа людей в старом городе, привычная к терактам, бросилась врассыпную. Завыли сирены, полицейские схватились за рации. По странному наитию, Калашников, таща за собой Малинина, побежал вдоль виа Долороса, к храму Гроба Кудесника – на самой вершине Голгофы.

Страхнув с крыльев пыль, Раэль взлетела.

Сделав пируэт в ночном воздухе, она развернулась, как боевой вертолёт. Малинин остановился и присел на колено, пытаясь взять фигуру ангела на мушку. Палец лёг на спуск, но автомат лишь икнул, щёлкнув вхолостую, – на прикладе мерцал голубым светом значок в виде крыла. Отшвырнув бесполезный АК-47, Малинин славно выматерился, вложив в богатый набор слов всё своё откровенное разочарование событиями последнего дня.

– Именное оружие, – присвистнул Калашников. – Только для ангелов.

Новый огненный шар с неба врезался в минарет ближайшей мечети. Тот накренился. Завис, как бы задумавшись, и рухнул в полный рост. В воздухе за клубилась пыль, полумесяц, сорвавшись с крыши, откатился в сторону. Калашникова отбросило к минарету взрывной волной: он упёрся спиной в кусок камня, вытащил из кармана пистолет. Раэль представляла собой отличную мишень. Зажав рукоять «вальтера» обеими ладонями, Алексей высадил всю обойму в тело ангела. Во тьме закружились горящие перья. Раэль звеняще расхохоталась: вытянув руки, она навела их на Калашникова – рамочкой, как оператор-профи, представляющий картинку для камеры.

– Вашбродь, бежим! – неистово завопил Малинин.

Теперь они поменялись ролями. Схватив Калашникова за футболку, Малинин, не давая тому опомниться, тащил начальство по переулку – под ногами скользили камни мостовой. Раэль простёрла в небе крылья – ангел летела прямо за ними, перекосив рот в вампирском оскале. Яростные взмахи придали ей скорости – протягивая руки, она швыряла в беглецов новые и новые порции огня. Над старым городом Ерушалаима поднялось слепящее зарево. Вспыхнули тенты магазинов, загорелись рыночные павильоны, торговцы бросали лавки с фруктами, разбегаясь кто куда. Поклонники веры Кудесника попадали на колени, завидев в

небе ангела с пылающими крыльями. Мусульмане поступили так же, не веря своим глазам. Израильский спецназ, во мгновение ока появившийся на крышах домов, замер в удивлении – никто из солдат не осмеливался первым спустить курок. И только пожилой еврейский торговец быстро распечатал на компьютере и вывесил в разбитом окне в крохотной сувенирной лавки объявление огромными буквами:

20 %-НАЯ СКИДКА ПО СЛУЧАЮ КОНЦА СВЕТА!

Огненные шары взрывались справа и слева. Калашников и Калинин бежали по улице, освещённой пламенем, да и Раэль неслась по небу вслед за ними. Они улепётывали с космической скоростью, но от ангела было трудно оторваться. Раэль пикировала сверху, словно тяжёлый бомбардировщик.

– Слуги Ада, – истерически хохотала она. – Умрите с миром!

От её ладоней волной разошлось мощнейшее силовое поле. Удар энергии стёр записи в мобильных телефонах, фотоаппараты и видеокамеры, вспыхнув, вышли из строя. Беглецов приподняло над брусчаткой и швырнуло вниз, Калинин рухнул на Калашникова – так, что у того хрустнуло в спине. До храма Гроба Кудесника оставалось метров двадцать: Раэль, улыбаясь, вошла в пике. «Не успеем», – мелькнуло в голове у Калашникова.

Улицу сотряс оглушительный грохот.

Планируя крутой вираж, Раэль не заметила колокольню католической церкви. Не успев сложить крылья, она со всего маху врезалась в камень. Колокол утробно застонал, в воздух взвилось облако пуха, словно распотрошили подушку. Некоторые из туристов, справившись с шоком, использовали общую панику себе во благо – запихав в рюкзаки свечи и иконы из опустевших магазинов, они тараканами разбегались по переулкам.

– Грех-то какой, вашбродь, – лёжа на брусчатке, покачал головой Калинин.

– Халява мозги отключает, – констатировал Калашников. – Представь – сейчас на пути будет винный магазин. И не обещай мне, что ты удержишься.

...Запачканные копотью, в тлеющей одежде, оба ввалились в храм Гроба Кудесника. Калинин дрожал всем телом, он укусил себя за руку, дабы не сотворить крестное знамение. По его мнению, если пара созданий из Ада объявилась в столь сакральном месте – их ожидают проблемы. Если и не удар молнии из поднебесья, то уж, по крайней мере, расстройство желудка.

– Шапкуними, братец, – прошипел Калашников и толкнул Калинина.

– Не буду, вашбродь, – проявил тот неожиданное упорство. – А ну как, тудыть вашу в котёл, здесь внутри видеокамеры? Доброхоты Шефу донесут, обвинят в излишнем почтении к добру... под статью подведёте. Небось, сами помните – десять лет без права Интернета, на морозе, в Девятом круге Ада.

Калашников ловким движением треснул Калинина по затылку. Шапка слетела – тот покорился судьбе, однако не мог унять неприятную дрожь. Казак смотрел на горящие свечи так, как будто там сплелся клубок ядовитых змей, ежеминутно вытирал пот со лба. Глаза его бегали, как у кота, уличённого в краже колбасы. Калашникову стоило больших усилий протолкнуть компаньона в самую глубь храма, подальше от чужих взглядов.

– Слушай, братец, прекрати психовать, – выговаривал он вполголоса. – Ты чего, фильмов про вампиров обсмотрелся? Думаешь, возьмёшься за крест и мигом сгоришь заживо? Забудь. Ведь рогов на лбу у тебя нет.

Открыв рот, Калинин уставился на чернокожих монахов.

– Пентаграмма мне в душу... А энти-то негры чево здесь делают?

– Вообще-то, братец, у негров тут законная территория. – Калашников проводил ликбез, резво подталкивая компаньона по лестнице на второй этаж. – Храм аккуратно поделен на шесть частей между представителями разных конфессий. Своя часть есть у греков, като-

ликов, армян, египетских коптов, удививших тебя эфиопов и сирийцев, у которых имеется собственный патриарх в Бейруте. Эти ребята специально так служат службы, чтобы, упаси Голос, не столкнуться друг с другом.

– И что будет, если столкнутся? – полюбопытствовал Малинин.

Эфиопский монах одарил парочку недобрым взглядом. Туристов в храме не жаловали, однако терпели – вместе с газировкой, шаурмой из арабского квартала и ужасным выговором гидовэмигрантов.

– Обычно драка, – пожал плечами Калашников. – Хотя здесь народ культурный – дерутся, только если не поделят кусок храма, а вот в Вифлееме, в церкви Рождества, просто беда: армяне и сирийцы каждую службу в битву кидаются – кто первый к алтарю пролезет¹⁵. Священники фингал под глазом заработают и страшно гордятся. А, и ещё – чтоб ты знал – ключи от храма Кудесника хранятся сугубо у мусульман.

Малинин, заслушавшись, едва не упал с лестницы.

– У басурман? – взревел он в голос. – Это с какого такого боку?!

– С такого, что иначе святые отцы за них не кулаками, а гранатомётами драться будут, – объяснил Калашников. – Каждый станет доказывать, что только их церковь достойна иметь ключи, а остальные – жульё несусветное.

С улицы ветер донёс крики и треск пламени. Калашников посмотрел на группу богомольцев в углу, и ему в голову пришла отличная идея, требовавшая немедленного исполнения. Он запустил руку в карман.

– Подожди минуту, – Алексей исчез в полумраке.

...Накинув на голову капюшон и спрятав под тканью крылья, Раэль стояла перед массивными воротами храма Гроба Кудесника. Она усиленно боролась с нерешительностью. Чёрное небо Ерушалаима бороздили лучи прожекторов, слышались топот армейских ботинок и лай собак. Ищут, куда это исчезла валькирия из облаков? Пусть. У ангелов на Земле нет запаха, их нельзя обнаружить. Она и не из таких переделок ускользала, словно змея... но вот что делать дальше? Раэль успела заметить: **двое вошли в храм**. Удивительно, но Голос не поразил их молнией... и это хороший знак. Если слугам Ада можно СЮДА – то ей-то уж тем более. Согнувшись в три погибели, завернувшись в плащ, она шагнула вперёд. Крылья на спине казались горбом, а Раэль – одинокой нищенкой, алкающей милости. Ей представлялось чудовищным касаться Его обители грязными ботинками – она скинула обувь, как на пороге мечети, оставшись босиком. Запах горящих свечей (у них такой особенный дым) и ладана... Швыряться тут фэйрболами – кощунство, и так она не поступит. Другая проблема – ей нужно выполнить свою работу качественно, быстро и незаметно. Если огонь исключается, то слуг Ада можно устранить иначе... тихо-тихо.

Раэль опустила рукав плаща, и в её ладони сверкнула тонкая сталь кинжала.

Однако ангела ждало разочарование.

Посланцев Преисподней не было нигде. Храм заполнили монахи в одинаковых рясах, подпоясанные верёвками, под сводами зазвучали заунывные песни – началась служба Ордена францисканцев. Протискиваясь между туристами, монахами и паломниками, Раэль прочесала храм несколько раз – вдоль и поперёк, оба этажа. Спустя час, признав поражение, она пошла к выходу, буквально выкипая от злости. *Враги* явно успели скрыться... через подземные этажи, через окна, крышу храма... Вариантов море – она только зря потратила драгоценное время. Упустила адских ублюдков... что ж, если нет практики прицельного огня, то умение быстро утрачивается... преподан хороший урок.

Она всегда отлично выполняла работу... а теперь ей здорово достанется...

---

¹⁵ В 2006 году автор сам наблюдал такую драку в церкви Рождества в Вифлееме. Победили сирийцы – у них были палки с набалдашниками.

Калашников внимательно проследил – едва касаясь пола босыми ногами, Раэль покинула храм: она не забыла поцеловать на прощание створку двери. И он, и Малинин затерялись в пёстрой толпе коптских паломников – Алексей сунул богомольцам пару банкнотов по сто евро, и те расстались с накидками (алого цвета, с вышитым Георгием Победоносцем) охотно, хотя и не без удивления. Малинин свыкся с обстановкой и даже украл свечку – дабы упомянуть об этом действе в рапорте для Шефа: «Руководствуясь злыми помыслами, я нанёс соперникам серьёзный экономический ущерб».

– Надо же, оторвались, – выдохнул Калашников. – Что ж, вкратце рассмотрим наше с тобой положение. Связой от Ада пал жертвой конкурирующей фирмы, и инструкций у нас больше нет. Однако он успел сказать: «Скорее в аэропорт, и назад в Москву». Думаю, произошло что-то экстраординарное. Мы срочно возвращаемся, братец. У тебя вопросы есть?

– Да, – сунул свечку в карман Малинин. – Што такое «экстраординарное»?

– Полный капец, – объяснил Калашников. – Так тебя больше устроит?

Против привычной трактовки Малинин не возражал.

Они незаметно покинули храм, прячась в толпе коптских паломников.

...Раэль удалилась на приличное расстояние – она прошла Дамасские ворота, прежде чем в кармане зазвонил мобильный телефон. Ангел, не откинув капюшон с лица, нажала указательным пальцем блютуз на левом ухе.

– Ты в своём уме? – спросил хорошо знакомый, мягкий голос. – Тебя просили убрать двоих, а ты разнесла половину Ерушалаима. Паника во всём городе, спецназа пригнали целую дивизию. Скажи, есть ли хороший результат?

– Нет, – с трудом выдавила Раэль. – Они сбежали... я не знаю, куда.

Собеседник в динамике замолк, обдумывая её слова.

– Плохая работа. – Мягкость исчезла, тон стал жёстким. – Нам нужно срочно встретиться сейчас и поговорить: моя командировка закончена, я утром вылетаю в Москву. Ты допускаешь оплошность второй раз подряд. Думаешь, всё сойдет тебе с крыльев? Не забывай, кто мы, милая Раэль...

Ангел слотнула горький комок, застрявший в горле.

– Да, – тихо сказала она. – Я всегда об этом помню.

...Ерушалаим превратился в Ад – ночью было светло, как днём. Лучи прожекторов пересекались в небе, разыскивая ангела, канувшего в неизвестность...

Глава VIII. Совет Мёртвых (Вифлеем, Палестинская Автономия)

...Раэль доехала до места встречи на такси с арабской «мигалкой» – на крыше машины светились красные, зелёные и белые огни. Водитель охотно принял шекели – только цена была в три раза ниже, чем в Ерушалаиме.

– Шукран, сайеда, – прошептал шофер, надеясь утаить сдачу.

– Афуан, азизи яхуайе¹⁶, – буркнула Раэль и хлопнула дверью.

Она шла вверх – к базилике Рождества: Вифлеем построен на холмах, идентично Ерушалаиму. У порогов лачуг (убогого микса бетона и фанеры) дежурили боевики ФАТХ¹⁷, одетые в форму полиции Западного берега реки Иордан. Они курили, положив руки на приклады автоматов. С десятков мальчишек увязались за ней, крича «шекель! шекель!» – так здесь встречают всех европейских паломников, надеясь на подачку, пока власти Израиля после свежего теракта снова не закрыли въезд в Вифлеем. Приблизившись к серым стенам базилики, она поискала взглядом кафе «Махди» – то, где были назначены переговоры. Встреча на людях – лучший способ соблюсти конспирацию. Каждый посетитель кафе увлечён своей беседой и не подслушивает чужие разговоры. Кроме того, они всегда меняли столики – не дай Голос, воткнут «жучка». Впрочем... это была обычная перестраховка.

Ангел присела – на сиденье стула лежала мягкая подушка.

– Салям алейкум, – приветствовал её хозяин «Махди», ставя чайник.

– Салям ве рахметулла, – отозвалась Раэль, откинув с лица капюшон.

Это был знак – можно подходить. Соратник возник словно изпод земли. Худой, как и она, со светлыми волосами, до самых глаз закутан в клетчатый платок-«арафатку». Горба от смятых крыльев на спине не было. Она вспомнила, как первые месяцы в «Братстве», находясь в неведении, гадала – кто же это такой... Человек старательно избегал тени базилики – особенно той, которую в свете фонарей отбрасывал крест над куполом. Сначала церковь в этом месте возвел император Константин. Потом здание уничтожил пожар, базилика много раз перестраивалась, – и даже мусульмане не стали её закрывать, лишь отделили кусочек, превращённый в мечеть... Они тоже почитали место рождения Кудесника. Тень креста висела над лачугами, между ними прятались магазины (туристы любят кустарные украшения) в сплетении старых домов, построенных ещё при османах, и сырых переулков. Над крышами угрожающе нависли облака. Холодно. Почти полночь...

Собеседник не удостоил её улыбкой. Он сел, кивком поприветствовал хозяина и заказал воду. Обычную воду – вино здесь не подавали.

– Ты совсем рехнулась, – прошептал собеседник на арамейском. – Сорвалась с катушек, Раэль? Тебе и так прощают слишком многое. Убийства режиссёров детского порно и торговцев наркотиками, казни политиков. Ты оставляешь после себя только трупы. Но мы это терпим, потому что ты – исполнитель высшего класса и бесподобно заметаешь следы. По крайней мере, так оно было раньше. Ты умела выставить свои дела разборкой, случайным инцидентом, обставить всё, как теракт, – взять, например, недавний расстрел в «Хайятте». Включи телевизор. Сотни людей наперебой утверждают – они видели ангела в небе. Что с тобой произошло, Раэль? Ты заболела?

¹⁶ «Спасибо, госпожа». – «Не за что, дорогой брат» (арабск.).

¹⁷ Военные отряды Организации освобождения Палестины.

Раэль виновато опустила взгляд – трепеща, как провинившаяся на уроке школьница. Она почувствовала, как онемели крылья под одеждой. Казалось, все посетители кафе знают – какую ошибку она допустила. И осуждают её.

– Прошу прощения, – пролепетала она и покраснела. – Они вывели меня из себя. Обычно люди при виде ангела... цепенеют, молчат. А эти...

Собеседник усмехнулся. Опустив платок с подбородка, он откусил от пышной лепешки и с явным удовольствием прожевал мягкий хлеб.

– Ты удивлена? Но они – слуги Ада. Уж кто-кто, а агенты Преисподней не сомневаются в существовании ангелов. Твой расчёт на психологию не сработал, и это трудоустроило всех пожарных Ерушалаима. Не скрою, я разочарован... ты не оправдываешь ожиданий. Может быть, подыскать напарника? Ладушки, мы подберём – он будет тебе помогать.

Он блефовал, у них не было второго ангела возмездия. Но угроза достигла цели. Лицо Раэль сделалось пунцовым – это было видно и в сумраке.

– Я уничтожу этих тварей. – Её голос скрежетал, как железо. – Сдеру с них кожу и прибью к воротам храма Гроба Кудесника. Скажи Совету Мёртвых – я первая найду документы. И мне не требуется напарник – я справлюсь одна.

Губы собеседника тронула тонкая улыбка.

– Посмотрим. По-любому, они не задержатся больше в Ерушалаиме, да и тебе теперь нечего здесь делать. Вот, пожалуйста, взгляни... круто, правда?

Он протянул ей толстую пачку гляцевых снимков.

Раэль включила экран телефона, при слабом свете рассматривая фото. Что это? Аааааа. Рекламный щит – таких множество в Москве. Кажется, на Садовом кольце. Она сощурилась – на тёмно-жёлтом фоне чернели буквы:

ДНК? СКОРО ВЫ ВСЁ УЗНАЕТЕ...

– Надо же. – Голос девушки сел до хрипа. – Он разместил рекламу...

Собеседник завернул шею в платок – как от холода.

– Он в Москве и хочет это показать, – донеслось до Раэль. – Тот, кто нашёл документы раньше тебя. Первый прокол – ты тогда не была достаточно быстрой. Помнишь? Из-за этого, детка, сейчас все проблемы...

Раэль сжала пальцы. Ногти впились в ладони – выступила кровь.

– Мы не знаем ни его планов, ни того, кто он такой, – пожал плечами собеседник, глядя на людей, играющих в нарды. – Кроме одного – **он вступил в игру**. Подал знак, что собирается публиковать документы. Ты же понимаешь – это наш **ЕДИНСТВЕННЫЙ** шанс. Представь: во всех газетах, на ТВ – данные теста ДНК. Не лучше, если их получают и слуги Ада. Мы потеряем ту возможность, что у нас есть... это катастрофа. Разберись с ними, Раэль. И личная просьба – прекрати мочить грешников. Хотя бы на время.

Девушка накинула капюшон. Из её глаз текли слезы: розовые, с кровью.

– Это не грешники, – прошептала она. – Грешник – тот, кто съел украдкой ветчины в постный день. Я ненавижу Землю. Люди врут каждый день, себе самим, и утешаются: Голоса нет, значит, и нет наказаний на том свете. Атеизм – самая популярная религия, и почему? Она подразумевает ноль ответственности в другом мире за то, что ты натворил при жизни. Отчего Небесная Канцелярия отказалась от верных методов – а-ля Содом и Гоморра?

Собеседник налил себе из чайника – уже изрядно остывшего.

– Тогда двумя городами не ограничиться, – тихо заметил он, переведя взгляд на минарет напротив. – Придется уничтожить всех людей. Ты права, они умеют доставать, – Голос неспроста психанул, решившись на Всемирный Потоп. Но, каков результат? Всегда найдётся благочестивый праведник, испортит хорошую идею. Спас Ноя с семьёй, и они сразу опять

расплодился, как Адам и Ева, – «наша песня хороша, начинай сначала». Лично я тоже не люблю людей. А Голос их любит. У него вообще к человечеству странное пристрастие... ну, как к комнатной собачке. С ними прикольно играть, смотреть на их ужимки и прыжки, давать команды...

Раэль вытерла слёзы рукавом плаща.

– Они сами себя уничтожат...

– Да, причём без твоей помощи, – подхватил собеседник. – Посмотри, они же мечтают сдохнуть. Самые популярные фильмы – «Послезавтра», «2012». Землю уничтожает метеорит, цунами, землетрясение, изменения климата... все погибают, спасается горстка убогих придурков. А книги? Сплошной постапокалипсис, ядерная война, зомби из-за ужасного вируса – и у этой хрени совершенно потрясные тиражи. Так что не вмешивайся.

Раэль молчала. Она помнила те времена, когда ангелы заменяли Голосу сторожевых собак, управляясь с человеческим стадом. Да, в топку политкорректность. Люди – это тупейшие овцы, их надо ограждать, объяснять, наказывать, контролировать популяцию. Отстреливают же кенгуру в Австралии, когда тех становится чересчур много. Изначально ангелы выполняли те же функции, не позволяя стаду взбеситься. Но довольно быстро до Голоса дошло: люди неисправимы, и есть два варианта поступков – либо оставить всё, как есть, до Страшного Суда, либо заселить Землю кроликами. Лично Раэль предпочла бы второе. С кроликами проще. Они в целом в курсе, что созданы ради мяса и шкурок, и не пытаются выходить из-под контроля. Вряд ли кто-то слышал о таком религиозном течении, как кроличий атеизм. Ей уже не верилось, что она и сама когда-то была человеком. Жила с женщиной, рожала ему детей... Нет. Это в далёком, очень далёком прошлом. Сейчас она ангел и останется им. АНГЕЛ СМЕРТИ.

Собеседник мягко тронул её за плечо. Раэль очнулась от мыслей.

– Нас не волнуют люди. – Он округлял окончания слов: так говорят те, что учили арамейский в Раю, а не на Земле. – Ты знаешь, ЧТО нам нужно. Тараканов не убивают атомной бомбой... прекрати громить города из-за охоты на двух человек. Просто иди и реши проблему. Как можно быстрее.

Он поднялся из-за стола, дав понять – разговор закончен.

Экспедиция № 3. Монета Друзиллы (морской порт Напуле)

...Небо было похоже на взрыв. Красные, жёлтые, розовые всполохи – стоишь и любишься, слушая шум морского прибоя и крики чаек. Красота. Недаром греки, в древности основавшие этот город, говорили: «Увидеть Напуле – и умереть»¹⁸. Публий – худой бородастый старик со смуглой от солнца кожей, сидел на нагретом камне у пристани, дожидаясь своих матросов. Но эти негодяи, судя по всему, не торопились вылезать из жарких постелей портовых гетер. Напуле славился продажной любовью по всей империи – сюда приезжали из Рима и даже из Сиракуз – местные девушки истекали похотью, как соты мёдом. Публий, признаться, тоже не устоял – сам только что омывал чресла в термах времён Суллы¹⁹. Опробовал *zazuzzi*, новинку из Паризия. Удивительная вещь – по краям ванны стоят опытные женщины и, булькая, дуют в воду из оловянных трубок, вызывая множество пузырьков... приятно понежить тело.

– Эй, кому осьминоги! Свежие осьминоги! – надсадно вопила торговка – неопрятная баба, вся туника в жирных пятнах. – Только десяток сестерций... красавчик, купи жене – вкусно, не пожалеешь.

Осьминоги лежали на жаре расслабленно, не шевелясь. Они, возможно, даже были рады, что кто-то заберёт их на обед. Бросив взгляд на розовые щупальца, Публий сразу вспомнил Паулуса – спрута из зоопарка покойного Тиберия на острове Капри. Спрут восхитительно предсказывал итоги боёв на арене, когда к нему в аквариум опускали фигурки гладиаторов. Да только взбрело в голову Калигуле погадать, кто будет следующим цезарем, а Паулус сдуру выбрал бюстик его дяди Клавдия. В тот же вечер на Капри подали салат из осьминога, а дяде серьёзно влетело от злого племянника.

К «осьминожнице» подошла торговка оливками. Обе перемигнулись.

– Слышала новость? – шепнула вторая, перебирая оливки. – Наш пятикратно пресветлый цезарь сделал сенатором своего коня Инцитата. Сенат не возражает. Конь омыт благовоениями, корректно ржёт и исправно голосует за предложения великого цезаря. Ну, так трактуют в Сенате любезные повороты его прекрасной головы²⁰.

– О, если бы это зависело от меня, я бы весь Сенат заменила стадом отборных скакунов! – «Осьминожница» обмахнулась веером из голубиных перьев. – Кстати, скоро так оно и будет – как минимум десяток сенаторов подали прошение признать их лошадьми и записать в конюшню Калигулы. А что? У Инцитата свой дворец с прислугой, золотая поилка и ясли из слоновой кости, жемчужная сбруя²¹. В таких-то условиях любой захочет превратиться в мерина.

Публий усмехнулся. Да, новый пятикратно пресветлый цезарь весь Рим поставил на фаланги. Никто не любил старика Тиберия, а Калигула отменил *lex de maiestate* – закон об оскорблении величества, и все восторгались – ах, какой милый у нас цезарь! И что толку? Да, закона нет, но преторианцы режут глотку любому, кто не поклонится статуе Сапожка. Согласно официальному статусу, Калигула теперь даже не цезарь – он объявил себя живым

---

¹⁸ Позже эта поговорка перешла к Парижу. Почему – непонятно. Вероятно, все, кто видел Неаполь, уже умерли, и нужен был новый город.

¹⁹ Луций Корнелий Сулла был диктатором Рима в 82–79 гг. до н. э.

²⁰ Первое имя Инцитата было Порцеллину, то есть поросёнок. Калигула также собирался сделать коня императором, но не успел.

²¹ Всего было построено три дворца. Инцитат обходился казне Рима столь дорого, что для его содержания ввели специальные налоги.

богом. В его честь строятся дорожные храмы, приносятся жертвы и служат жрецы. Пожалуй, сенаторы правы – в такое опасное время лучше побыть лошадьё.

...Один из моряков, бредущий по пристани, случайно задел другого плечом. Тот уронил глиняный кувшин с вином – прямо себе на ногу.

– Куда ты смотришь... да благословит твою мать Юпитер...

Тайный ликтор, скучающий у таверны, обернулся на крик. Они привыкли дежурить у питейных заведений – у пьяных часто развязывается язык. Вознёс кто хулу на цезаря: Доставь подлеца в тюрьму, получи благодарность. Поймал троих – езжай в отпуск. Ну а если Калигулу ругали сразу пятеро – это заговор и большая премия.

– Тебе что, больно? – с тайной надеждой спросил ликтор.

– О, конечно нет, – кривясь, ответил моряк. – Слава цезарю!

Публий потупил взор. Свежий указ Калигулы запретил в империи плохие новости – их распространение приравнивали к государственной измене. Все знали, что племена хавков на нижнем Рейне, у крепости Лариум, бунтуют против власти и режут легионеров, но ввод войск туда глашатаи объясняли заботой о солдатах, мечтающих искупаться в речке. Жаловаться стало нельзя, и даже больным предписано, умирая, улыбаться, и говорить: «Ох, как хорошо-то!» Под властью цезаря подданные обязаны жить либо превосходно, либо многократно чудеснее – третьего не дано. Люди теперь беседуют друг с другом так: «Представляете, вчера столкнулись две повозки, одна упала в Тибр, пять человек погибли... попали прямо в обитель богов – надо же, как подлецам повезло!» Погода считалась отличной – даже если бушевал шторм с градом. При виде статуй цезаря следовало улыбаться, а так как они были повсюду, то улицы заполняли исполненные счастья люди.

Солнечные часы на площади показывали полдень.

Напуле давно утратил черты греческой колонии. Римляне изрядно перестроили его – установили фонтаны, расчертили квадратами, воздвигли храмы в честь своих божеств. Греческую власть, названную «демократия», перенимать не стали. Во-первых, «империя» звучит лучше, а во-вторых, у греков им нравился только салат. То тут то там из-под земли торчали обломки мрамора, словно кочерыжки, в Риме часто объявляли повелителей богами, а потом с той же яростной устойчивостью выкорчевывали их статуи и бросали в море. Публий не особенно сомневался, что и Калигулу постигнет аналогичная участь. Но вслух этого, само собой, не говорил.

– Молоко «Весёлый консул» с добавлением конопли! – звонко крикнул *reclamare* глашатай у храма Юпитера и развернул папирус. – Наш новый цезарь решил считать себя двадцатикратно лучше старого и теперь именуется стократно пресветлым! Сенат, при участии мудрого патриция Инцитата, успел немедленно одобрить этот закон под благолепное ржание и крики восторга: *Ave Ceasar!*

...Публий подождал, пока глашатай закончит славословия и перейдёт к нападкам на Парфию. У Рима вообще странные отношения с Парфией. Глашатаи поливали её, как только могли, однако у менял весьма ценились треугольные парфянские деньги. Мало того, в Риме было откровенно популярно всё парфянское – и выступления заезжих жонглёров, и музыка чернокожих парфянских рабов, крепкие напитки из Ктесифона, и корневища волшебных растений, позволявшие выпускать изо рта сладкий дым. Латинский язык охотно впитывал слова-паразиты из Парфии, а молодёжь подхватывала их с особой радостью. Сотни мелких парфянских таверн «Маршакус» были до отказа заполнены детьми, наперебой поглощавшими грубое кушанье с красным соусом, коим в Парфии на спор откармливали худосочных рабов. Даже сам пяти... то есть, простите, стократно пресветлый цезарь, и тот недавно посетил враждебную Парфию, поел в «Маршакус». Тамошний царь подарил ему чудо парфянской мысли: колдовское яблоко, что позволяло связываться с богами. Нелюбовь к парфянам в империи считалась пискom сезона, а подлость Парфии в политике и экономике даже не

обсуждалась. Бывшие римские провинции, впрочем, охотно присягали парфянам, надеясь на груды треугольных денег. Но как-то потом оказывалось: увы, деньги давали только в долг, а на территории провинции уже стояли лагерем парфянские войска с благородной целью, чтобы сбереечь жителей от атак диких степных варваров.

– А сейчас, – крикнул глашатай, покончив с порцией едких выпадов в адрес Парфии, – я зачитаю вам список благодарностей в адрес цезаря из Иберии и Фракии. Жители в восторге, что он, заботясь об их счастье, повысил налоги – и теперь карманы народа не отягощают деньги, замедляя передвижение по сильной жаре. Но перед этим, дорогие граждане Рима, мы традиционно уходим на *geclamare!*

Вперед выпорхнула девушка в рискованно короткой тунике.

– Благодетель нашего выпуска – стократно пресветлый цезарь! – весело прошептала она. – Римская империя – управляй мечтой!

...Матросы и не думали возвращаться. Публий, грешным делом, начал подумывать о новом погружении в *zazuzzi* под стоны гетер (не терять же зря время), когда у его судёнышка вдруг появилась женщина – лет тридцати, с длинными чёрными волосами, в пурпурной тунике с узорной каймой. Она оглянулась через плечо и подмигнула, хотя Публий готов был поклясться Юпитером – сзади никого не было.

– Куда идёт твой корабль, купец? – спросила незнакомка.

Назвать Публия купцом, с его жуткими убытками, мог только очень близорукий человек, то же самое касалось и корабля. Потрёпанный парус, просмолённые бока, подвальчик, куда можно запихнуть с десятков рабов, и пара мешков с пряностями – вот, пожалуй, и всё, на что способна посудина под именем «Клеопатра».

– В Египет, – кашлянул Публий. – К чему ты клонишь, женщина?

Та в ответ заморозила его ледяным взглядом.

– Высадишь меня у побережья, на пути в Ерушалаим, – оттуда прямая дорога до Ктесифона, – заявила она тоном, не терпящим возражений. – Тебе понятно? Отплыть надо сегодня, купец. У нас мало времени.

Публий был мелким торговцем (честно говоря, он не брезговал и береговым пиратством, когда ситуация позволяла) и встречал в жизни очень наглых людей – в том числе и тех, что за отличного раба предлагали три сестерция. Однако наглость женщины ввела его в полное изумление. Незнакомка смотрела ему в глаза, и он не мог говорить.

– Да кто ты?.. – обрёл он, наконец-то, дар речи и снова резко замолк.

У самого его носа сверкнул кружок.

Ауреус. Монета с профилем луноликой женщины, держащей рог изобилия в тонких руках, – Юлия Друзилла, родная сестра цезаря (и, как шепчутся на базарах люди, его тайная любовница), светлый образ коей, как равной богам, он повелел чеканить на чистом золоте.

– Двадцать, если отплывем через три часа, – внятно сказала незнакомка. – И еще полсотни, когда доведёшь. Нас встретит доверенный человек и расплатится. Не пожалей места, о купец...

Она зря беспокоилась. Публий принял решение, едва завидев монету.

– Пройдите на «Клеопатру», госпожа, – раболепно поклонился старик. – Я сейчас... найду матросов... кое-какие припасы, водицы... садитесь под тент... здесь жарко. Если хотите, в трюме немного льда...

Не веря своему счастью, торговец бегом бросился через площадь к самому знаменитому заведению Напуле под вывеской с изображением пышной матроны с рыбьим хвостом и надписью *Sirena*. На пороге в лупанар он оглянулся – женщина в пурпурной тунике взбиралась на палубу качающейся «Клеопатры» и двигалась так осторожно, словно опиралась на невидимую руку.

«Сумасшедшая», – вынес краткий вердикт опытный Публий.

...Да и ладно. Какая вообще разница, кто именно ему платит?

Глава IX. Сорок митрополитов (*Преисподняя/Небесная Канцелярия*)

...Шеф не собирался придерживаться придворных политесов. Он, конечно, знал: Голос создал всё живое на этой Земле, в том числе и его. Но логичнее этого не помнить – так, как женщины забывают бывших любовников. Посему Шеф для удобства считал, что созданся сам и Преисподняя вместе с ним. Он был в ярости и в принципе не желал выбирать выражений.

– Меня задолбала твоя реклама! – выверился Шеф. – Сколько можно?

– Веяния времени, – с флегматизмом ответил Голос. – Думаешь, мне самому это нравится? Я иногда вспоминаю, как блаженствовал на Земле один и не приходилось себя рекламировать. Никакого зла. Ни пепси, ни героина, ни бен Ладена.

Шеф снизил градус, но позиций не сдал.

– Ты сам виноват в появлении героина. – Он воинственно щёлкнул по столу хвостом, как бы подтверждая свою теорию. – Создание Адама и Евы – твоих рук дело? В-о-о-о-от. Вследствие эволюции человека возник и ЛСД, и героин, и опиум. Рай – источник лузерства, а ты – бездарь. Стыдно признаться? Ха-ха-ха. Создавая что-то, никогда не знаешь, что получится в финале.

– Это и про тебя можно сказать, – отрезал Голос. – Ладно, что произошло?

Шеф набрал в лёгкие горячий воздух Ада.

– В Чистилище попали сразу сорок митрополитов из Москвы. Мне уже позвонили из транзитного зала, их всех готовят к депортации в Преисподнюю. Те, что против, собрали стихийный митинг, скандал. Может, устроишь себе прямое включение? Там такое происходит...

Голос мигнул правым глазом: в небе, прямо под солнцем, образовался четырёхугольник экрана – справа и слева появились голубые колонки.

– В эфире канал «Рай только Рай», или РТР, – сказала с экрана ведущая – красивая блондинка в белом хитоне, с крыльями за спиной. Она вещала мягко и нежно, без обычной напористости «говорящих голов» – в Раю не была принята агрессия. – По велению Голоса нашего мы передаём репортаж из Чистилища, куда срочно отправлен святой мученик Валентин.

Она поправила в ухе микрофон.

– Ты слышишь меня, святой Валентин?

– Да, святая Епифания, и воздаю хвалу Голосу! – сладко ответил Валентин, возникнув в квадратике экрана: схожий с пирожным юноша, покровитель продавцов цветов и шоколада, в честь коего отмечают праздник 14 февраля. – Просим зрителей обратить внимание – сейчас мы покажем уникальную съёмку.

Камера «бегом» пронеслась по серым коридорам Чистилища, отобразив сгоревшие танки, обломки упавших самолетов, затонувшие корабли и покрытые пылью завалы землетрясений. Новоявленные покойники сидели в Транзитном зале, ожидая отправки в Рай или Ад. В конце коридора наблюдалась ссора. Санитары растаскивали людей в чёрных платьях, с высокими головными уборами, а те кричали, отчаянно сопротивляясь.

– Требую аудиенции у Голоса! – вопил седой митрополит, отбиваясь от слуг Чистилища. – С какой стати я в Ад попаду? Я в КПСС с восьмидесятого года... то есть... ну, неважно! Десять тысяч молебнов, как штык, отслужил!

– В праматерь вас святую! – орал его сосед, толстяк лет сорока. – Куда вы меня тащите? Я же детскую площадку снёс, чтобы храм чудный в Курске построить! Отойди, бесовская рожа, я тебя крестом так звездану!

За кадром послышался сочный удар – митрополит исполнил угрозу.

– Свечи, свечи подносите, братие! – мощно и голосисто неслось с заднего ряда. – Сейчас мы тут запалим всё, устроим им Содом и Гоморру! Ишь чего удумали – благость святую, добрых пастырей в Преисподнюю ссылать!

Голос махнул рукой – блондинка улыбнулась, и экран исчез.

– Так вот – эти твои деятели мне в Аду на хрен не нужны, – со злобой сказал Шеф. – Чудесный сюрприз – сидишь спокойно, а на тебя валится оптовая партия служителей добра. Город забит до упора – и рыцари крестовых походов, и папы Римские (одни Борджиа со своим производством яда из ромашек просто задолбали), и набор патриархов от Константинополя до Румынии, и средневековые монахи-блудодеи... Голова кругом идет! Ладно, хоть Торквемада шашлычную открыл, у него фирменный кебаб «Еретик» – пальчики оближешь. Но эти! Знаю я твоих митрополитов. Будут пытаться по ночам святую воду гнать да тайные собрания устраивать: «Как построить в Аду Царствие Небесное». Забирай этих мудаков, к моей бабушке.

С пальмы на крышу беседки упал кокосовый орех.

– Интересное кино, – спокойно ответил Голос. – А больше мне никого забрать не надо? Там у тебя сидит парень, который во время штурма крепости Безьер на вопрос, как отличить еретиков от католиков, ответил: «Убивайте всех, Голос на том свете узнает своих». Вот он мне в Раю-то будет кстати! Или, может, папу Сергия Третьего? Этот симпатяга велел зарезать двух других понтификов, переселил своих любовниц во дворец и назначил внебрачного сына новым папой. А то давай оформим переезд в Рай патриарха Иоакима, благословившего казнь – сожжение старообрядцев в срубe? Всех скопом буду рад видеть, они такие милые...

Шеф смущённо кашлянул, но сдаваться он не собирался.

– Старик, меня шокировало, что они прибыли такой толпой, – признался он. – Это дикая проблема. Твои служители, как попадут в Ад, им сам я не брат. Хуже только свидетели Иеговы. Ходят, на всё брезгливо смотрят, пальцы щепотью держат... да ужас, раствори меня святая вода. И да, я понимаю про Иоакима или Сергия... но сегодняшние-то чем тебе не угодили? Культурные ребята, кучу голды носят, стиль как полагается. Может, передумаешь?

Голос посмотрел на небо. Там парил воздушный шар с его изображением – въезд во врата Ерушалаима верхом на осле. Осёл был взят из «Шрека», и Голос сразу подметил – делая коллажи, ангелы не слишком стараются.

– Я тебе уже говорил, – заметил Голос, сделав упор на слово «уже». – Они меня подставляют. Всем прихожанам твердят о моей персональной скромности, несчастном осле и учениках в рубище, но при этом почему-то нет никаких объяснений, отчего лично им нельзя слезть с «мерседесов» и жить попроще, не на десять тысяч баксов в месяц.

– Однако, – усмехнулся Шеф. – У меня есть люди, что работают чисто за идею. Я в курсе, что твои ангелы повязали двенадцать моих шпионов, включая Бриттани Мерфи. Они вкалывали бесплатно, а вот слуги добра считают, что творить добрые дела без джакузи в квартире – запахло.

Голос стандартно пропустил подколку мимо нимба.

– Чтобы войти в Рай, надо вести себя прилично, – сообщил он, и Шеф сморщился, словно проглотил лимон. – Пропуск на Небо зарабатывают уходом за больными детьми в хосписе, а не освящением автомобилей. Я уж не говорю, как они золотом завесились. Обожают блестящие побрякушки. Смотрю на них – впечатление, что я вождь папуасов.

Шеф выпустил дым из ноздрей. Он уже понял: разборка бесполезна.

– Это просто кошмар, – пожаловался он в пустоту. – Я представлял Ад культурным местом. Сюда попадают шлюхи, серийные убийцы, взяточники и другие приличные люди. Визовый режим в Раю превратил Город в балаган. Я отвел для служителей религий целых три квартала, но придётся расширять – давка, как у селёдок в бочке. Надел маску, прогулялся по улочкам как-то в сумерках – копыта от горя разболелись, давление подскочило. И есть

от чего! Пьяные бенедиктинцы сшиблись стенка на стенку с шиитами шаха Аббаса. Мартин Лютер за вечерним чаем вылил варенье на далай-ламу. Ассирийские жрецы дерутся с вавилонянами. Целые столетия одно и то же: разбираются, у кого бог лучше. Молодым и глупым я думал, что люди помирятся, когда умрут. Чего им делить? Но нет. Смерть – лишь повод бить друг другу морду вечно.

Голос мысленно сочувствовал Шефу, но показывать это не стал. Прибой океана на чудесном песочном пляже настраивал его на философский лад. Из манговой рощи на лужайку, стуча копытцами, вышло стадо белых ягнят.

– Мы всё выяснили? Тогда прощай. Мне пора творить добрые дела.

– Может, поменяемся? – без особой надежды спросил Шеф. – Ты мне двенадцать шпионов, а я тебе – сорок митрополитов. От сердца отрываю. А что? Есть шанс на перевоспитание. Тебя увидят, так сразу раскаются.

– О, это ты напрасно так считаешь, – зевнул Голос. – Они ещё меня начнут учить, как надо управлять Небесной Канцелярией. Мне интриг среди ангелов хватает. Я думаю вообще прикрыть в Рай лазейку для гастарбайтеров.

Шеф накрутил кисточку хвоста на коготь.

– Попробуй, – заметил он с мрачным сарказмом. – Я посмотрю, кто из праведников добровольно согласится говно убирать. Ты все же сообрази по поводу обмена. Я тебе на сдачу сто римских пап пришлю. А ещё – хочу сказать, по пофигизму ты всё-таки Будда. Вот теперь я это знаю.

– Для кого-то определённо Будда, – согласился Голос. – А в чём проблема?

– Да ни в чём. Прощай, всего тебе плохого и ужасного.

Положив трубку, Шеф посмотрел на стену *живого* кабинета: её, словно бьющееся сердце, оплели синие жилы. Прикольно, Голос даже не спросил – каким образом в Чистилице попали сорок митрополитов? А ведь Шеф точно знал – они не подавились просвиркой на праздновании дня рождения главы Небес. Там произошёл серьёзный инцидент... любопытно, но кто же убийца?

Взяв пульт, Шеф включил DVD-плеер. Это видео он уже пересмотрел двадцать раз. И оно ему нравилось страшно – практически до оргазма.

На экране было отчетливо видна девушка, стоящая посреди роскошного зала отеля «Хайтт». Запись, сделанная камерами слежения, не отличалась чёткостью, однако позволяла отследить огромные крылья, развернутые у неё за спиной. Закусив от ярости нижнюю губу, она палила из двух автоматов.

Шеф приблизил изображение.

Его внимание привлекла шея девушки. Что там такое на цепочке? Крест? Нет, кажется, кулон. А если сделать ещё четче? Увеличить во весь экран?

Роза. Сломанная роза, бутон которой теряет лепестки.

Он сразу вспомнил, где и при каких обстоятельствах видел эту эмблему.

...Оказывается, всё сложнее, чем думалось. Значительно сложнее.

Глава X. Ледяной бункер (подземелье под метро «Серпуховская»)

...Иней покрывал поверхность плотным ковром – и столы, и стулья, и даже электрические лампочки. У входящих появлялось ощущение, будто они в гигантской морозильной камере. Убежище (оно носило номер 148) было стилизовано под Девятый круг Ада, согласно Данте, то есть состояло из искусственного льда. С потолка свешивались фигурные сосульки, в полупрозрачных стенах были выдолблены скульптуры Шефа с сигарой, тут и там высились сугробы из полиэтилена, опять-таки напоминая Калашникову старый холодильник ЗИЛ. Пол отдавал синевой, у стен заботливо расставили лавочки и коньки – для гостей, чтобы без проблем рассекать по помещению, как по катку. Ледяные пещеры переходили из одной в другую – убежище № 148 строили не один десяток лет. Несмотря на суровую московскую зиму, это подземелье охлаждали кондиционеры – для пущего эффекта.

– Тысяча чертей! Вы плохо слушаете меня, каналы! – выругался усатый ведущий – в шляпе, белом свитере, он яростно жестикулировал, словно держал в руках шпагу. – Меня перебросили из Питера в Москву, и это ради того, чтобы вы нахально спали на уроках? Вы очень невежливы, сударь!

Калашников промолчал. Он не был удивлён, что один из самых популярных актёров, Михаил Дворянский, работает на Шефа, – Дворянский работал на всех, кто давал ему хоть пару рублей. Купить его было легко, а перекупить ещё проще. Но роль инструктора актёру явно не нравилась.

Малинин же хотел спать и не скрывал этого – деревенская простота мешала ему подавить сильную дремоту. Он изрядно побледнел, веснушки на белом лице выделялись россыпью чёрных пятен, а оба глаза плотно опоясали синие круги, делая компаньона Калашникова похожим на панду.

Полусонное состояние не мешало ему кипеть злостью.

«Сами не знают, чево хотят, – сердился казак. – Едва из Небытия вытащили, дали в кабаке посидеть и очухаться, – так понеслось по кочкам в ухо да к родимой матери. Перво-наперво – в Москву, потом ероплан в Израиль, опосля по Ерушалаиму, как суслики, под огнём побегали, обратно на ероплан – и в Москву, сели на извозчика, да в очередной бункер. Начинаю жалеть, што воскрес. Честное слово, мертвецам проще. А чево плохого, штобы быть мёртвым? Красотишша. Ни тебе проблем, ни от тебя – никому».

...С потолка просыпался искусственный снег – Малинин по привычке поёжился. Калашникову убежище № 148 виделось царством Снежной Королевы из сказки Андерсена с клеймом Made in China, так как состояло из фальшивого льда. На входе в убежище застыло чучело императорского пингвина, а на выходе (то есть пути к красно-чёрному поезду) – белого медведя. Вероятно, дизайнер подземелья в творческих муках так и не смог определить, что ему ближе – Арктика или Антарктика.

Малинин зевнул.

Дворянский возмущённо зацокал коньками.

– Сударь, попрошу вас минуточку внимания! Осталось недолго!

Он протянул указку к карте метро на стене: она светилась чёрными огнями.

– Вот смотрите. Основные штабы Шефа и главные отделения демонических сил в Москве образуют перевёрнутую пятиконечную звезду. Хрустальный бункер под «Пушкинским» не в счёт – комната для приёма гостей и официальных собраний с вручениями призов. Итак, каналы, вершина самого первого луча пентаграммы – собственно, метро «Серпуховская», где мы с вами сейчас и находимся. Остальные четыре конца звезды – метро «Планерная», метро «Рижская», метро «Киевская» и метро «Марксистская». Правда, символично?

Под каждой из этих станций расположен особый бункер специального дизайна. Ледяной, огненный, океанический, из застывшей лавы и живой – как личный кабинет Шефа.

– А водочного нету? – проснулся Малинин.

Дворянский не удостоил его ответом, лишь ошетилил усы.

– Помимо хрустального бункера и пяти главных бункеров в виде пентаграммы, мы имеем множество мелких подземных убежищ по Москве. – Он касался лазерной указкой станций, и каждая вспыхивала огнём. – Разрази меня гром! Под медицинской Академией имени Сеченова, торговым центром «Европейский» и Новодевичьим монастырём.

Калашников оторвал взгляд от пингвина. Муляж был набит соломой от души – словно свинья, заботливо откормленная к Рождеству.

– А почему Новодевичий? – с удивлением спросил Алексей. – Там же...

– Не имеет значения, сударь, – элегантно взмахнул рукой Дворянский. – Так лучше для маскировки. Святая вода, серебро и всё остальное действуют только у вас, в Преисподней, и лишь на мертвецов. На Земле добро до скуки обыденно. Монастырь – просто культовое здание. Слуги Шефа – не демоны, а обычные люди. Ни у кого не болит голова, если зайти в церковь, – это миф. Однако соблюдайте этикет – креститься в бункерах не рекомендуется. Будучи на Земле, вам следует опасаться огнестрельного оружия, ножей, яда – любых вариантов, что могут превратить вас в труп. Увы, слуг Ада весьма легко прикончить. На мой взгляд, это несправедливо – ведь ангелы на Земле бессмертны. Во всяком случае, с ними придётся повозиться.

Калашников подставил лицо морозному воздуху из кондиционера.

– А у ангелов есть свои бункеры или явочные квартиры?

Дворянский щёгольским жестом подкрутил седой ус.

– Очевидно да, сударь. Увы, в отличие от наших бункеров, их помещения невидимы. Мы можем лишь предполагать расположение. Например, одна из шифровок нашего агента в Раю свидетельствует: пункт связи ангелов в Москве находится на Останкинской башне, но... посланный туда сотрудник ничего не обнаружил. Вероятно, эти пункты для нас не то что невидимы – неосвязаемы. Ангелы – внеземные существа, их возможности куда круче.

Калашников тычком под ребро разбудил Малинина.

– Относительно маленьких убежищ, – дребезжал старческим фальцетом Дворянский. – Да, судари мои, они могут быть тесноваты – пара крохотных комнат, вроде тюремных камер. Но! Там вы найдёте кровати, душ, медикаменты и оружие. Есть холодильники с едой. Мини-убежища очень помогают, если убежать от преследователей, – вот интерактивная карта, где отмечены места входа. Карта – одновременно и ключ. Все убежища связаны железной дорогой, но, думаю, вам это уже рассказали. Держите ещё один ключ. – *Он положил на ледяной стол стальную полосу, с головой чертика.* – Заходите в любой вагон, на компьютерном управлении задаёте пункт и едете. Понадобится решить в Москве силовой вопрос – звоните в бункер под «Пушкинским», они ведают спецназом. Хотя, конечно, лучше обойтись без жертв. Людей убивать – без проблем, у Голоса с Шефом перемирие, и он не очень поймёт, если вы начнёте мочить ангелов толпами.

– Пока что ангелы пытались мочить нас, – поправил Калашников. – Причём без каких-либо объяснений. Спасибо за инструкцию и ключи, я всё понял. Последняя просьба – мы очень устали. Нельзя ли здесь выспаться?

Дворянский кивнул. Ему было пора ехать на корпоратив в «Лукойл», и он испытал счастье, что наконец-то избавится от этих сонных мух.

– Разумеется, сударь. – Он нажал кнопку. – Сейчас постели приготовят ко сну. Но помните, через сутки Шеф будет на прямой связи. Он ждёт ответа.

...Малинин и Калашников прошли в горячий душ – оформленный в виде серных источников посреди льда, как на японском острове Хоккайдо. Прислужницы зла в форменных

халатиках подали полотенца, напарники выпили сакэ и прошли на массаж. Одна из прислужниц, низенькая брюнетка, разминала Малинина с таким усердием, что тот лишился сна.

Массажистка завлекательно улыбалась.

– Вашбродь, – шепнул Малинин Калашникову (тот лежал рядом, на другом массажном столе). – Сколько можно уже просить? У всех в нашем сюжете романтика. У вас есть Алевтина, у Иуды в прошлой серии была Мария Магдалина, а я вечно один, как дурак. Ихде, в конце концов, моя полноценная любовная линия? Ни жизни никакой, ни смерти на хер.

– У нас от Шефа важное задание, – строго сказал Калашников. – Пальцы массажистки разминали ему спину – жёстко, до боли. – Может, всё бросим и начнем твоей любовной линией заниматься? Не время сейчас, братец.

Брюнетка вновь улыбнулась и лизнула губу. Малинин понял, что сейчас впадёт в кому. Он сбросил полотенце и вскочил со стола.

– А когда время? – взбеленился казак. – Я хучь и мёртвый, но всё ж живой человек! То туды. То сюды. То в Ад, то в Рай, то на крест, то к Шефу на рога, то к Понтию Пилату. Вашбродь, как хотите... если нет любовной линии – объявляю забастовку! Шеф обидится? А пушай. Я в таких условиях не работаю. Ежели желает, нехай жжёт меня напалмом, так ему и скажите!

Калашников был настолько расслаблен, что даже не мог сжать пальцы в кулак – дабы дать Малинину в морду. Он с трудом нашёл силы для кивка.

– Чувствую, братец, дошёл ты до кондиции. Успокоительного у меня сейчас нету, а потому, раз такое дело... бери, бери любовную линию, кто ж спорит.

Малинин плотоядно взглянул на массажистку. Та подбоченилась – с вызовом: японский халатик открыл тело почти до пояса. Перебросив девушку через плечо, казак двинулся через ледяной туннель в соседнюю комнату с мигающим указателем Sexual Sins²². Вскоре, через минуту, оттуда послышался долгий, протяжный стон – и Калашников сразу же разгадал его природу. Наверняка в комнате обнаружилась бутылка водки.

Массажистка Калашникова не источала сладких улыбок – вероятно, её предупредили об отношениях *объекта* с Алевтиной. Закончив процедуру, она набросила на плечи Алексея халат и проводила в комнату из голубоватого искусственного льда с двумя кроватями, ледяным столиком и снежной люстрой. Стены из сосулук удачно имитировали замёрзший водопад.

Калашников рухнул в постель.

Он забылся практически сразу мёртвым сном – ещё до того, как голова коснулась подушки. Проспав полчаса, Алексей неожиданно проснулся.

...Ему вдруг показалось, что в комнате кто-то есть...

---

²² Сексуальные грехи (англ.).

Глава XI. Терновый венец (дом возле метро «Белорусская», Москва)

...Ворон, склонив голову, вежливо наблюдал за поведением *Хозяйки*. Крупная, едва ли не с гуся, птица вцепилась лапками в серебряную жёрдочку – та была вделана мастером-дизайнером прямо в стену. Окно прикрыли, проявляя осмотрительность (как-никак метель и жуткий холод), зато летом его распахивали спокойно – *Хозяйка* была уверена в верности Рэйвена. Ворон действительно никогда не собирался улетать. Свобода? Зачем разыскивать пищу на помойках и мёрзнуть во дворах, как крылатые неудачники... Тем, как заботится о нём *Хозяйка*, вряд ли похвастается хоть одно живое существо в мире. О, такое поведение, конечно, неспроста (при этой мысли ворон надулся от гордости) – *Хозяйка* считает Рэйвена своим талисманом... и не абы каким, а особым талисманом, обладание которым приносит деньги и счастье. Что ж, Рэйвен в принципе не возражает. Единственное, что ему не нравится в отношениях с *Хозяйкой*, – это собственное имя. Додуматься надо – назвать ворона «Ворон», с той разницей, что по-английски. Правда, в ЭТОЙ стране всё возможно. Зашипев, птица дёрнула себя клювом за крыло – иссиня-чёрное, с блестящим отливом. Под жёрдочкой, на особой подставке, в блюде лежали кусочки свежей баранины, соблазнительно оплывая кровью. Ворон их не клевал, он был уже пресыщен. А вот настрой *Хозяйки* внушал подозрения. За последний час, просматривая какие-то документы, она выпила три чашки кофе по-турецки (варит сама, на горячем песке) – нервничает. По какой причине? Эх, вот хорошо бы ему это знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.